

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

Н.Н.ТРОШИНА

**НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В НАУКЕ
ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Аналитический обзор

**МОСКВА
2021**

ББК 81.432.4

Т 70

Серия
«Теория и история языкознания»

**Центр гуманитарных научно-информационных
исследований**

Отдел языкознания

Редакционная коллегия:

Яковлева Э.Б. – докт. филол. наук

Опарина Е.О. – канд. филол. наук,

Раренко М.Б. – канд. филол. наук

Трошина Н.Н.

Т 70

Немецкий язык в науке эпохи глобализации: аналит. обзор / РАН. ИНИОН Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отдел языкознания: редкол.: Опарина Е.О., Раренко М.Б., Яковлева Э.Б. – М., 2021. – 52 с. – (Серия: теория и история языкознания). – Библиогр.: с. 47–52.

ISBN 978-5-248-00989-3

Анализируется языковая ситуация в немецкой научной сфере, сложившаяся в результате негативного изменения коммуникативного статуса немецкого языка и перехода многих жанров научного общения на английский язык как основной язык глобализации.

Для специалистов в области социолингвистики и теории коммуникации.

ББК 81.432.4

ISBN 978-5-248-00989-3

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	6
1. Проблема языка науки в общественно-политическом контексте	6
2. Экономические категории в управлении современным научным дискурсом	10
3. Роль импакт-фактора журналов в научном дискурсе	13
II. Моноязычие	17
1. Моноязычие как этап развития научного знания	17
2. Критика моноязычия в немецкой специальной литературе	20
III. Немецкий язык в научном дискурсе	27
1. История немецкого языка как средства научной коммуникации	28
2. Востребованность немецкого языка в современной науке	31
3. Немецкий vs английский научный стиль	32
IV. Немецкий язык в системе высшего образования Германии	37
1. Немецкий язык и Болонская реформа высшего образования	37
2. Немецкий язык и проблемы межкультурной коммуникации в вузах Германии	41
V. Заключение	46
Список литературы	47

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В НАУКЕ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Речевые практики в современной устной и письменной академической коммуникации формируются в соответствии с широко известными выражениями *English only!* «Только английский!» и *Spitzenforschung spricht englisch!* «Передовая наука говорит по-английски!». В аналитическом обзоре приводятся экономические причины, поддерживающие доминирование английского языка вопреки основным положениям Болонской декларации о развитии высшего образования на основе уважения к национальным языкам, культурам и системам высшего образования. Многие ученые – как лингвисты, так и специалисты в различных других областях науки – выступают за сохранение национальных языков в науке и за дифференцированный подход к моно- и многоязычию в зависимости от коммуникативной ситуации.

Притом что немецкий язык относится к коммуникативно мощным европейским языкам, средствами которого вербализована богатая научная традиция, его статус в науке эпохи глобализации сильно подорван не только в плане его ущемления как языка научных публикаций и использования на конференциях, но и в сфере высшего образования в Германии. Причиной этого является тенденция к переводу образования на английский язык, что негативно сказывается на качестве немецкого высшего образования.

За сохранение высокого коммуникативного статуса немецкого языка в науке эпохи глобализации выступают многие зарубежные коллеги немецких ученых, что показано в материалах обзора.

Ключевые слова: моноязычие; многоязычие; востребованность немецкого языка; межкультурная коммуникация; языковая категоризация мира; англофонизация научного дискурса; интернационализация науки; импакт-фактор; индекс цитирования; когнитивные метафоры; научные ниши; когнитивный стиль; национальный стиль мышления; Болонская реформа; межкультурная коммуникация; язык высшего образования.

THE GERMAN LANGUAGE IN THE SCIENCE OF THE AGE OF GLOBALIZATION

Abstract. Speech practices in modern oral and written academic communication are formed in accordance with the well-known expressions «English only!» and

«Spitzenforschung spricht englisch!» (Advanced science speaks English!). The analytical review provides economic reasons that support the dominance of the English language despite the main provisions of the Bologna Declaration on the internationalization of higher education based on respect for national languages, cultures and higher education systems. A lot of scientists – both linguists and specialists in various other fields of science – advocate the preservation of national languages in science and a differentiated approach to mono- and multilingualism, depending on the communicative situation.

Despite the fact that German is a communicatively powerful European language, which verbalizes a rich scientific tradition, its status in the science of the era of globalization is severely undermined not only in terms of its infringement as a language of scientific publications and use at conferences, but also in the field of higher education in Germany. The reason for this is the tendency to make English the language of education, which negatively affects the quality of the German higher education.

Many foreign colleagues of the German scientists are in favor of preserving the high communicative status of the German language in the science of the era of globalization, as shown in the review.

Keywords: monolingualism; multilingualism; demand for the German language; intercultural communication; language categorization of the world; anglophonization of scientific discourse; internationalization of science; impact factor; citation index; cognitive metaphors; scientific niches; cognitive style; national style of thinking; Bologna reform; intercultural communication; language of higher education.

I. ВВЕДЕНИЕ

1. Проблема языка науки в общественно-политическом контексте

Проблема выбора языка / языков в сфере науки – одна из самых острых современных проблем коммуникации, потому что сегодняшнее общество не зря часто характеризуется как общество знания. Казалось бы, эта проблема решается автоматически в пользу английского языка по принципу «English only», причем не только в названной сфере, но и в сфере образования, экономики, международной политики, искусства, СМИ и в других областях, влияющих на широкий общественный дискурс, находящийся под сильнейшим воздействием англо-американского понятия *science*. Это понятие предполагает моноязычную модель коммуникации и познания, подчеркивает немецкий социолингвист и специалист в области межкультурной коммуникации, профессор Загребского университета Зигфрид Германн в статье «Контроль над флюидом: Язык науки как часть нового мирового господства» [Gehrmann, 2015, S. 117]. С требованиями современного общественного дискурса не может не считаться академический дискурс, поскольку в такой ситуации возникает вопрос, надо ли вообще исследовать, насколько современная наука нуждается в многоязычии? Специалисты в области естественных и технических наук, экономики и медицины, которые публикуются сегодня только на английском языке, отвечают однозначно: такой необходимости нет. Аналогичный ответ дают и руководители университетов, учитывающие запросы современного рынка труда и ориентирующиеся на известное высказывание Хуберта Маркля (Hubert Markl) – бывшего Президента Немецкого научно-исследовательского общества (Deutsche Forschungsgemeinschaft, DFG): «Передовая наука гово-

рит по-английски!» (Spitzenforschung spricht englisch!) [Markl, 1986; цит. по: Campenhausen, 2020, S. 121]. Основными причинами такого согласия с языковым редукционизмом, т.е. сужением языковой базы научного общения вследствие доминирования английского языка в научном дискурсе является риск оказаться на периферии научного общения, а также экономическая поддержка сферы научных исследований.

Сегодня в специальной литературе активно обсуждается проблема преимуществ и недостатков моноязычия в науке. В.Е. Чернявская уточняет, что это связано не только «с так называемыми антиглобалистскими настроениями или тяготением к национальной идентичности. Этот вопрос недвусмысленно проецируется на оценку качества знания, предоставляемого в рамках одной языковой монокультуры. Хорошо ли это для прогресса науки, если понимать под ним эвристичность как свойства знания выходить за свои первоначальные границы, обладать способностью к саморасширению и порождать рост информации? Может ли *один* (курсив авт. – Н. Т.) язык не только (и не столько!) адекватно распространять информацию, сколько давать достаточное когнитивное пространство для формирования и репрезентации нового знания?» [Чернявская, 2012, с. 157]. Отсюда вытекает и вопрос о вкладе развитых, коммуникативно мощных языков, важнейшей характеристикой которых является вербализация культуры с богатой научной традицией в процесс познания, и о судьбе этих языков в эпоху глобализации. К таким языкам относится немецкий язык, на котором были сделаны важнейшие открытия в области гуманитарных, естественных и точных наук.

Размышляя об этом, не следует также забывать еще о двух (помимо названных) параметрах общественного дискурса, для ответственности которым языковой аспект коммуникации исключительно важен, – о социальном и этическом параметрах. По ним наука подотчетна лингвокультурному сообществу, если в нем проводятся научные исследования, которые это общество, т.е. налогоплательщики¹, финансирует, считают Корнелия Шу [Schu, 2020, S. 112], Ютта фон Кампенхаузен [Campenhausen, 2020, S. 121] и Томас Корстен [Corsten, 2020, S. 173] – участники конференции «Язык науки и образования: Под руководством экономики?», ко-

---

¹ Иоганнес. Зингхаммер (депутат Бундестага в 1994–2017 гг.) считает даже, что организация и проведение конференций не на немецком языке не должны оплачиваться из государственного бюджета ФРГ [Singhammer, 2020, S. 186].

торая состоялась 26–27 февраля 2018 г. в г. Тутцинг (Германия). Как подчеркивает Ральф Моцикат (иммунолог, профессор медицинского факультета Мюнхенского университета им. Людвига Максимилиана), ученые должны разъяснять обществу результаты этих исследований (особенно в таких областях, как биомедицина, генная инженерия, и в тех ситуациях, которые связаны с опытами над животными), что невозможно без обращения к стилистическим ресурсам языка этого общества [Mosikat, 2018]. Как справедливо отметил Х. Маркль, пропасть между обычными гражданами и учеными и так уже слишком глубока, чтобы углублять ее еще и тем, что ученые говорят только на чужом языке [Markl, 1986; цит. по: Campenhausen, 2020, S. 121]. В таком случае наступает изоляция науки от общества, члены которого будут получать научную информацию «из вторых рук» – это важное уточнение приводится в «Основных направлениях деятельности “Общества немецкого научного языка”» (Arbeitskreis Deutsch als Wissenschaftssprache, ADAWiS) [ADAWiS]. В это общество, основанное в 2007 г., входят ученые самых различных научных специальностей из различных европейских стран. Они считают, что нация, осознающая себя носительницей великой культуры, не может и не должна допустить, чтобы ее научная сфера отдалялась от ее национального языка, в результате чего падает культурный престиж этой нации, ведь наука – это важнейшая часть ее культуры [Voslamber, 2011, S. 3], и страдает внешняя культурная политика страны [Lehmann, 2012, S. 349].

Моноязычие в науке опасно для демократического общества, считает Штефан Кляйн: «Обществу грозит расслоение на элиту, использующую элитарный (английский. – *Н. Т.*) язык, и всех остальных, которых непосредственно не затрагивает развитие науки. Сохранится ли немецкий как язык науки или нет, – это не только вопрос национальной гордости: речь идет о демократии» [Klein, 2007]. Это мнение разделяет также лингвист и литературовед, профессор университета в г. Билефельд (Германия) Уве Корайк в статье «Почему языковой вопрос угрожает будущему нашей демократии?» [Koreik, 2019]. Его поддерживает профессор философского факультета Венского университета Конрад Лиссманн, указывая, что понятие «элита» сегодня явно изменило свою стилистическую окраску: если после Второй мировой войны оно практически не использовалось в политико-образовательном дискурсе как некорректное, то сегодня оно прочно обосновалось в

этом дискурсе и «окружено таким ореолом, который делает критику самого понятия “элита” едва ли допустимой» [Liessmann].

Доминирование английского языка в мировой коммуникации связывается в немецкоязычной специальной литературе с понятием нового мирового порядка. Если мировой порядок в XX в. был ориентирован на овладение стратегически и экономически важными территориями, то новый проект мирового порядка имеет своей целью контроль и управление капиталами и информацией, материальными ресурсами, услугами, сырьем и людьми. Он связан с повсеместным (глобальным) насаждением единой сетки категоризации реальности и системы ценностей, пишет З. Германн. В языковом плане это связано с контролем и управлением коммуникативными процессами, с тем, чтобы «так детерриторизировать (entterritorialisieren) [Gehrmann, 2015, S. 118] мир в языковом и коммуникативном плане, чтобы информационные потоки стали управляемыми независимо от тех смысловых различий, которые привносятся в них национальными языками» [Gehrmann, 2015, S. 126]. Это предполагает, помимо наличия мировой державы с имперскими амбициями, использование единого мирового языка, способного вытеснить национально-языковую категоризацию мира или, по крайней мере, ослабить и маргинализировать ее в важнейших областях управления обществом, прежде всего в научной. В этой области внедрение английского языка зашло особенно далеко, причем как на международном уровне, так и в самих немецкоязычных странах.

Доминирование английского языка в научной коммуникации приобрело характер культурного империализма, имеющего катастрофические лингвоэкологические и культурные последствия, считает немецкий лингвист профессор Конрад Элих в статье «Немецкий как язык науки в XXI веке» [Ehlich, 2000], проводя при этом параллель с публикациями британского лингвиста Роберта Филлипсона, который ввел в научный оборот понятие «языковой империализм» (linguistic imperialism), означающий использование английского языка в целях подавления, замены или исключения других языков [Phillipson, 1992]. Немецкий лингвист Юрген Трабант, профессор Свободного университета Берлина, уточняет эту мысль К. Элиха, говоря о «явном неокOLONиалистском отношении англоязычной науки к другим научным культурам» [Trabant, 2012, S. 107].

Моноязычие в важнейших сферах значительно укрепляет власть соответствующей культуры, которая, завоевывая все новых

и новых говорящих, внедряет в их сознание свои понятия [Трошина, Раренко, 2005, с. 144–147]. На этом основывается феномен языкового империализма, в чем активное участие принимают элиты, ставя тем самым свои родные языки и культуры в невыгодное положение в иерархии языков мира. В этом и состоит одно из основных отличий современной имперской языковой политики от таковой в прошлом: принятие ведущего языка должно происходить добровольно, закрепляться законодательно и быть привлекательным не только для индивидуума, но и для всего сообщества [Gehrmann, 2015, S. 121; Koreik, 2019, S. 57]. Однако именно добровольность перехода на английский язык является причиной того, что З. Германн в другой своей статье «Языковая сфера под властью экономики: О будущем национальных языков как языков науки» возражает против использования терминов «языковой империализм» и «колониализм» для характеристики данной ситуации и видит в этой ситуации, прежде всего, экономическую причину, а именно стремление к оптимальному соотношению финансовых затрат и результата (*Kosten-Nutzen-Maximierung*), которое проникло в сферу науки и соответственно ее переструктурировало [Gehrmann, 2020, S. 70]. Рыночная ориентированность американской и британской англоязычной науки, а также англофонной (т.е. намеренно использующей английский язык вместо других национальных языков) коррелирует с доминирующей американской моделью экономической глобализации, унифицируя картину мира в соответствии с англоязычной лингвокультурой и обеспечивая, таким образом, когерентное восприятие мира (*kohärente Weltsticht*). Другие национальные языки считаются помехой на пути глобализации [там же]. Научная коммуникация на одном мировом языке экономически более выгодна и политически прозрачна, но антидемократична, считает Паво Баришич, профессор философии и славистики Загребского университета в статье «Языковой капкан науки» [Barišić, 2019, S. 52].

2. Экономические категории в управлении современным научным дискурсом

На первый взгляд, трудно предположить, что язык науки может использоваться как экономическая переменная в области науки и образования (*bildungsökonomische Variable*), пишет

З. Германн [Gehrmann, 2015, S. 129]. Однако это становится очевидным, если подойти к университетам как к своего рода фирмам, которые борются на глобальном рынке за ресурсы, спонсоров, заказы на научные исследования, лучших преподавателей, студентов, за репутацию и влияние в научной сфере. Для сегодняшних университетов важны экономические рычаги управления образованием и научными исследованиями, чтобы занять прочное место в мировой науке. Соответственно, должно быть структурировано все академическое пространство, и эта структура должна быть закреплена в сознании людей средствами одного языка – английского. Ведущими понятиями для бизнес-ориентированных университетов (*unternehmerische Universitäten*) являются понятия *human resources management* «управление кадрами», *quality management* «управление качеством», *change management* «управление преобразованиями». Экономический и языковой подходы оказываются тесно взаимосвязанными, причем решающее влияние на эту взаимосвязь оказывают большие американские университеты, решающие, что может считаться хорошим образованием и качественной наукой, а что нет. Все, что исходит из этих университетов, *argiori* считается качественным, а все остальное (тем более, если это «остальное» не англофицировано) объявляется второсортным, не заслуживающим финансовой поддержки. Так замыкается круг взаимодействия «качество и количество», заключает З. Германн [Gehrmann, 2015, S. 131].

Проблема коммерциализации науки, связанная с переходом национальной науки на английский язык, беспокоит многих ученых самых различных специальностей. Так, иммунолог Р. Моцкат, занимаясь этой проблемой, уточняет, что коммерциализация науки – это не внедрение новых административных структур в научные учреждения, а использование экономических понятий и категорий в целях их влияния на научный процесс, вплоть до определения направлений исследований и их содержания: «нужные» с коммерческой точки зрения получают финансирование. Таким образом, наука превращается в товар, стоимость которого на рынке определяется соотношением спроса и предложения. Язык при этом используется как инструмент унифицированного (с позиций англоязычной картины мира) структурирования рынка научных исследований, что приводит к его упрощению, стандартизации и появлению исследований весьма среднего уровня (*Mittelmaß*). Из учебного процесса изымаются сложные темы, констатирует

Р. Моцикат в статье «Англофонизация наук как следствие их коммерциализации?» [Mocikat, 2020, S. 94–95].

Ведущие американские университеты получают поддержку влиятельных научных фирм (Wissenschaftsunternehmen), препятствующих многообразию научных концепций в пользу какой-либо одной, исходя из интересов сбыта продукции на рынке. Поэтому они легко отказываются от многоязычия, создающего возможность гносеологически разнообразного подхода в исследованиях, и сводят языковую базу научной коммуникации к одному языку – английскому, отмечает Р. Моцикат в той же статье [Mocikat, 2020, S. 95].

Тенденция к английскому монологичию в науке реализуется под лозунгом интернационализации науки, что, однако, противоречит сути интернационализации как взаимодействию национальных научных школ и культур, протестует историк, профессор Венского университета Томас Корстен, специалист в области эпиграфики. Он видит в многоязычии необходимое условие для успешных исследований, без которого наблюдается явное снижение научного уровня. Издержки монологичия должны осознаваться также и научными издательствами, заинтересованными в сбыте своей продукции не только в англоязычных странах, что связано, в частности, с презентациями на других национальных языках, считает исследователь [Corsten, 2020, S. 178].

Проблеме влияния экономики и политики на соотношение монологичия и многоязычия в научной сфере были специально посвящены две конференции в Академии политического образования в г. Тутцинге (Akademie für politische Bildung, Tutzing): в 2011 г. «Немецкий язык в науке», по материалам которой был издан сборник «Немецкий язык в науке: Политический и научный дискурс» [Deutsch in der Wissenschaft ..., 2012] и в 2018 г. «Язык науки и образования: Под руководством экономики?», по материалам которой был издан одноименный сборник [Die Sprache von Forschung und Lehre, 2020]. Большинство участников этих конференций согласились с тем, что хотя монологичие в научной сфере способствует скорости распространения информации, оно не способствует гносеологической диверсификации исследований и поэтому «пора воспрепятствовать претензиям английского языка на исключительное положение (Ausschließlichkeitsanspruch)» [Mocikat, 2020, S. 92].

Перевод науки на рыночные рельсы, т.е. ее коммерциализация поддерживается так называемым импакт-фактором (Impact Factor) журналов.

3. Роль импакт-фактора журналов в научном дискурсе

Доминирование английского языка в научной сфере стимулируется ролью импакт-фактора, т.е. числового показателя цитируемости статей, опубликованных в данном конкретном журнале. Импакт-факторы научных журналов ежегодно вычисляются американским Институтом научной информации (Institute for Scientific Information, ISI) Томаса Ройтерса и показывают, сколько раз в среднем цитируется каждая опубликованная в журнале статья в течение двух последующих лет после ее выхода. Импакт-фактор рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{«ИФ} = A / B,$$

где А – число цитирований в течение 2015 г. статей, опубликованных в данном журнале в 2014 и 2013 годах, в журналах, отслеживаемых Институтом научной информации;

В – число статей, опубликованных в данном журнале в 2014–2013 годах.

При расчете импакт-фактора ISI учитывает только исследовательские статьи и научные обзоры» [Расчет импакт-фактора].

Импакт-фактор позволяет по формальным признакам сравнивать разные журналы и исследовательские группы. При присуждении грантов, выдвижении на научные премии (включая Нобелевскую) эксперты непременно обращают внимание на наличие у соискателя публикаций в журналах, охватываемых Journal Citation Reports (JCR) [Расчет импакт-фактора]. На основе этого числового показателя журналы подразделяются на три категории – А, В, С. При этом осуществляется языковое регулирование импакт-фактора в пользу английского языка, так как в базах данных института Томаса Ройтерса отражены, в основном, американские журналы. На основе списка в JCR определяется рейтинг университетов, в связи с чем В. Крулл¹ называет их «оцифрованными, из-

---

¹ Вильгельм Крулл (Wilhelm Krull) – крупный немецкий менеджер в области науки, Генеральный секретарь фонда «Фольксваген»; в 2008–2014 гг.

меренными» (vermessene Universitäten) [Krull, 2017; цит. по: Schlottheuber, 2020, S. 79].

Этот метод оценки научных журналов был разработан в 50-х годах XX в. в США для составления рейтинга американских журнальных издательств, но с конца 80-х годов XX в. он стал применяться и в Европе, прежде всего в Германии, для оценивания индивидуальных научных достижений, указывает Р. Моцикат в статье «Диктатура индексов цитирования: Последствия для культуры знания» [Mosikat, 2009, S. 101].

Навязывание импакт-фактора как единственного критерия ценности научных статей подвергается интенсивной критике немецких ученых, которые подчеркивают, прежде всего, предвзятость в отборе журналов, отраженных в JCR: это, в основном, американские журналы, которыми руководят редакторы концерна Томаса Ройтерса [Gehrmann, 2015, S. 132]. Не-англоязычные журналы не учитываются. Более того, статьи авторов из не-англоязычных регионов, даже написанные по-английски, не принимаются редакторами американских журналов, в результате чего обедняется эвристический потенциал современной науки, констатирует Р. Мюнх в книге «Академический капитализм: О политической экономии реформы высшей школы» [Münch, 2011, S. 133; цит. по: Gehrmann, Turkovič, 2019, S. 9]. К тому же в банке данных Томаса Ройтерса не учитываются монографии, учебники, тематические сборники статей, материалы научных конгрессов и конференций, в результате чего исследователи отказываются от написания монографий; кроме того, в JCR зафиксирована лишь небольшая часть научных журналов.

Современная практика научных публикаций привела к тому, что во многих журналах не допускаются ссылки на не-англоязычные публикации: в таких случаях издатели просят авторов привести другие (т.е. неправильные) ссылки обязательно на английском языке. Это не что иное, как фальсификация науки и ее истории. Убедительный пример такой фальсификации приводит Р. Моцикат в статье «Ценность многоязычия в естественных науках» [Mosikat, 2018] со ссылкой на статью Б. Леммера и М. Миддеке «История одной научной публикации – нужны только английские цитаты» [Lemmer, Middeke, 2008]. Британец Александр Флеминг везде превозносится как создатель пенициллина, в то время как за 30 лет до

него французский врач Эрнест Дюшен выявил и экспериментально подтвердил антибиотические свойства плесневого грибка! Однако Эрнест Дюшен полностью забыт, так как он опубликовал свою статью не на английском, а на французском языке [Mocikat, 2018].

Такое развитие публикационной деятельности приведет к тому, что все национальные языки, кроме английского, будут восприниматься как непригодные для науки, а сами не-английские научные журналы будут вытеснены из научного оборота как не отраженные в списках JCR. По подсчетам немецкого социолога Р. Мюнха, разница в импакт-факторе ведущих немецких и американских социологических журналов, обусловленная доминированием английского языка, составляет от 23 до 44 единиц [Münch, 2011, S. 175; цит. по: Gehrmann, Turković, 2019, S. 10]. Еще в 2008 г. Р. Мюнх исследовал цитирование в двух американских социологических журналах («American Journal of Sociology» и «American Sociological Review») и двух немецких («Kölnner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie» и «Zeitschrift für Soziologie»). Выяснилось, что в американских журналах в 90–100% случаев не цитируется научная литература, опубликованная вне англо-американского языкового пространства. В немецких же журналах 40–70% приходится на не-немецкие источники, в основном – американские. Получается, что уровень интернационализации немецких журналов значительно выше американских. Ведущие позиции американских журналов, определяемые по импакт-фактору, являются, по мнению Р. Мюнха, не доказательством их интернационализации, а выражением гегемонии, которое ведет к обеднению научного знания.

По мнению медиков К.-Ф. Кальтенборна и К. Куна, импакт-фактор является рефлексивным числовым показателем (reflexive Messgröße), так как он оказывает обратное воздействие на измеряемый объект [Kaltenborn, Kuhn, 2003; цит. по: Mocikat, 2009, S. 101]. В немецких вузах и во внеуниверситетских исследовательских центрах сегодня вычисляется так называемый «кумулятивный импакт-фактор», которого добился данный исследователь или научная школа, публикуя статьи в журналах из списка Томаса Ройтерса. Этот показатель является важнейшим критерием на докторских защитах и для получения финансирования.

Сомнения относительно адекватности индексов цитирования особенно касаются междисциплинарных работ в области медицины и социальных наук, поскольку в них важен учет культуроспецифичных или регионально обусловленных факторов. Результаты

исследований в этих случаях не могут быть объективно квалифицированы с помощью импакт-фактора, настаивает специалист в области психосоматической медицины Томас Лёв [Loew, 2020, S. 85]. Естественно, что такие статьи не принимаются американскими журналами. Поскольку издательства не заинтересованы в материалах, не повышающих импакт-фактор их журналов, авторы не проявляют интереса к этим журналам как не способствующим росту из кумулятивного импакт-фактора [Mosikat, 2009, S. 101]. В результате складывается этически весьма тревожная ситуация, считает З. Германн: сформировался новый тип ученых, ставящих во главу угла импакт-фактор журнала. Их З. Германн называет «JIF-учеными – менеджерами от науки» (JIF-Wissenschaftler als akademische Manager) [Gehrmann, 2015, S. 136] и делает вывод о том, что так формируется приспособленчество в науке.

Поскольку эти числовые показатели ничего не говорят о научном качестве статьи и, соответственно, о научных достижениях конкретного исследователя, усиливается критика этих показателей, что делается, например, в статье Р. Моциката «Диктатура индексов цитирования: последствия для культуры научного знания». Если прежде научный уровень статьи оценивался специалистами в данной конкретной области, то теперь этим непростым делом занялись коммерсанты от науки, для чего разработали вышеописанную систему числовых показателей, что привело к засилью внешних факторов в науке [Mosikat, 2009], причем оцениваются даже не публикации, а исключительно журналы, в которых печатаются научные статьи.

Р. Моцикат обращает внимание на негативные изменения в самой культуре научного знания и связывает эту тенденцию также с использованием импакт-фактора и индексов цитирования [Mosikat, 2009, S. 102]: изменились не только содержание и стиль научных публикаций, но и сами исследовательские парадигмы: смелые теории становятся все менее популярными у издателей журналов, поскольку с ними выше опасность научного провала. Публикации, основанные на рискованных гипотезах, подавляются лавиной стандартных статей (Stromwissenschaft). Немаловажную роль играет в этом и навязываемый выбор английского языка.

Числовые показатели научных публикаций окружены аурой неоспоримой авторитетности, однако сегодня становится все яснее, что наивная вера в них является опасным заблуждением (verhängnisvoller Irrglaube), в противодействии которому должен видеть свою задачу каждый уважающий себя исследователь, цити-

рует Р. Моцикат заявление «Немецкого научно-исследовательского общества» [Mosikat, 2009, S. 103]. Автор призывает создать многоязычный европейский банк научного цитирования, независимый от американских банков цитирования: «Создали же китайцы для своей культурной среды собственный банк данных научного цитирования! Мы должны свести к разумной мере весь этот цирк с оценкой научных публикаций (Evaluationszirkus), который повсеместно выродился в самооценивание (zu einer sich selbst evaluierenden Evaluation entartet ist), на которое затрачиваются огромные финансовые, временные и энергетические ресурсы» [там же].

II. МОНОЯЗЫЧИЕ

1. Моноязычие как этап развития научного знания

Почти полное английское *моноязычие*, проводником и индикатором которого является импакт-фактор, наступило после длительного периода выраженного *многоязычия* с середины XVII в. до середины XX в. Ситуацию *до* середины XVII в., т.е. в период позднего Средневековья, можно охарактеризовать также как *моноязычную*, но сформировавшуюся на другой языковой базе: сначала на базе греческого языка, после чего на роль единого языка науки «с переменным успехом претендовали несколько идиомов» [Валуйцева, Хухуни, 2018, с. 19]. В Средние века в университетах западной Европы обучение велось на латыни, а в некоторых университетах это продолжалось даже и в середине XIX в., например в Венгерском университете в Будапеште (Regia Scientiarum Universitas Hungarica Pestini) – до 1848 г. [Barišić, 2019, S. 42].

Параллель между современным моноязычием в науке и средневековой латынью проводят многие немецкие ученые, отмечая связь моноязычия со схоластикой, при которой не ставилась цель получения нового знания: практиковалась трактовка авторитетных канонических текстов, например аристотелевской «Физики» с помощью приемов аргументативной логики (дедукции, экспликации, ассоциации, альтернативного выбора). Для этого вполне хватало ресурсов одного языка – латыни. Но как только Галилео Галилей, Исаак Ньютон и Лука Пачоли обратились к исследованию живой природы, возникла необходимость в ресурсах живых

языков, с помощью которых была бы возможна дискуссия, т.е. интерсубъективность (Intersubjektivität) в науке, пишет лингвист Винфрид Тильманн, профессор Технического университета в г. Кемnitz (Германия) в статье «Является ли англофонизация европейской науки проблемой? Размышления о языковом вопросе в научной сфере» [Thielmann, 2020, S. 98; см. также: Klein, 2007]. Совершенно не случайно в это время начался беспрецедентный подъем эмпирических наук [Mocikat, 2010, S. 653; Thielmann, 2010, S. 813]¹.

Хотя в специальной литературе английский язык нередко сравнивается с латынью и при этом называется *lingua franca* современной науки, это мнение разделяют не все немецкие ученые. Так, З. Германн напоминает, что латынь, в отличие от *lingua franca*, никогда не была общедоступным средством общения, так как ею пользовался очень ограниченный круг образованных людей (церковнослужителей, ученых, медиков). Если в Средние века национальные народные языки стремились завоевать статус языков научного общения, то сегодня английский язык заставляет другие языки отступать (возрождая, по сути дела, ситуацию перед началом эпохи Просвещения), возвращая ситуацию к языку для избранных. Лишь по одной причине современный английский как язык глобального общения (не в сфере науки) может быть назван *lingua franca* – по причине его выраженной упрощенности как вербального кода, т.е. это Basic English, Broken English, Euro-English. Для коммуникации в научной сфере эти сильно упрощенные варианты неприемлемы – нужны развитые языки (ausgebaute Sprachen) [Gehrmann, 2020, S. 62].

Почему именно английский язык настолько преуспел в сфере науки, что в результате формируется англо-американская научная монокультура (monoculture in science)? Об этом свидетельствуют результаты опроса, проведенного Информационной системой высшей школы (Hochschulinformationssystem, HIS) в 2010 г. Чтобы опубликоваться сегодня на немецком языке, надо создать что-то небывалое, «прорывное» (Bahnbrechendes), как это бывало, например, в истории искусств [Vitzthum]. Называются следующие взаимосвязанные причины: 1) распространенность английского языка (немецкий язык занимает по распространенности только десятое место в мире); 2) отсутствие необходимости в переводе терминов;

---

¹ Отметим, что статья В. Тильманна называется «Корабль мечты плывет в сторону схоластики». – Прим. авт.

3) возможность быстрого и широкого оповещения коллег о своих новых исследованиях¹; 4) возможность повысить свой индекс цитирования (опубликовавшись в журналах JCR) (см. выше) и продвинуться в плане карьеры. В связи с последним Дитер Шёнекер, профессор философии университета в г. Зиген (Германия) описывает ситуацию на летней школе по гегелевской «Науке логики»: немецкие докладчики, озабоченные своим научным престижем, отказывались выступать на немецком языке, хотя обсуждалась именно та область из истории философии, где без немецкого языка обойтись невозможно [Schönecker, 2011, S. 942].

На эти причины предпочтения английского языка всем остальным обращают внимание также и российские исследователи В.Е. Чернявская и С.С. Закарян в статье «Культурная маркированность текста: Лингвистика текста в межкультурной проекции»: «Выбор английского языка как языка вербализации научного результата – это выбор преимущественного положения на “рынке сбыта научного труда”. Выбор английского языка почти автоматически означает, что текст – вербализованные в нем идеи – становятся частью научного диалога в международном масштабе. Публикации на ином языке (русском, немецком, испанском etc.) – это однозначный риск оказаться на периферии общественного внимания (out of the mainstream). Во всяком случае, вторичные тексты в научной коммуникации: аннотации, резюме, ключевые слова публикуются почти исключительно на английском языке, преследуя ту же цель проникновения в общий фонд знания. И если в гуманитарных науках англофонизации еще как-то противостоят публикации на родном языке, то в естественно-научных дисциплинах действительно значимый научный результат вводится в научный оборот только и именно на английском языке. В противном случае имеет место игнорирование со стороны научного сообщества предлагаемого ему в неконвенциональной форме открытия. Отказ от английского языка воспринимается как особого рода девиантное поведение, наказываемое общественными санкциями в виде невнимания, исключения из диалога» [Чернявская, Закарян, 2014, с. 12; см. также: Чернявская, 2012, с. 157].

Необходимо отметить еще одну причину склонности именно немецких ученых публиковаться на английском языке – память

---

¹ В связи с этим в научной среде распространилась шутка, согласно которой Альберт Эйнштейн едва ли смог бы получить кафедру, так как он не был склонен постоянно что-то публиковать. – *Прим. авт.*

научной общественности о периоде национал-социализма в истории Германии, когда большинство немецких ученых еврейской национальности вынуждены были уехать из Германии. Их отъезд из нацистского рейха стоил стране потери своего научного престижа. Те исследования, которые проводились в гитлеровской Германии (прежде всего, в области биотехнологии и медицины), вызвали недоверие к немецким ученым, так что смена языка публикаций была для них способом уклониться от замечаний коллег, настроенных очень критично [Vitzthum].

Вышеперечисленные причины привлекательности английского языка для общения в научной сфере, а также его распространенность в обычном общении послужили Герхарду Мюллеру, коммерческому вице-президенту Мюнхенского технического университета основанием, чтобы в статье «Университет между коммерческим руководством и задачами образования: Замечания с точки зрения бизнес-университета» квалифицировать современный английский язык как «всемирный народный язык» (Weltvolkssprache) [Müller, 2020, S. 26]. С этой оценкой не согласен З. Германн: если в повседневном общении английский и можно считать таковым, то перенесение этого определения на сферу науки едва ли оправданно. Этот немецкий ученый подчеркивает, что в научной коммуникации важна семантическая точность используемых терминов и детальная контекстуализация высказываний, т.е. характеристики, которыми не обладает сильно упрощенный английский как «всемирный народный язык» [Gehrmann, 2015, S. 148].

2. Критика моноязычия в немецкой специальной литературе

Вышеперечисленные преимущества английского языка критически оцениваются носителями других национальных языков по причине примитивизации структуры английского языка и, следовательно, его стилистической невыразительности. Глобальный английский теряет стилистическую гибкость оригинального английского, подстраивается под некую общую норму, пишет в статье «Безъязыкая наука» литературовед Петер-Андре Альт, профессор свободного университета Берлина, объясняя это тем, что авторы огромного количества научных текстов не являются носителями

английского языка, их языковая компетенция не позволяет им нюансировать изложение своих мыслей [Alt]. Как очень точно заметил Ницше, продолжает П.-А. Альт, хороший стиль одновременно и правилен, и своеобразен: правилен, так как соблюдаются нормы, которые позволяет система языка; своеобразен, так как автор способен креативно использовать языковые возможности в рамках данного стиливого регистра. Сочетание этих двух характеристик Гердер определил как красоту стиля. Сегодня это качество научных статей встречается все реже.

Что касается такого преимущества английского, как отсутствие необходимости переводить термины, то оно оборачивается стагнацией терминологических систем в других языках. Кроме того, переход не-англоязычных ученых на английский язык не избавляет их от необходимости переводить *весь* текст своих статей, который состоит не только из терминов, со своего родного языка на английский. При этом часто упускаются важные смысловые оттенки, подчеркивает Т. Корстен, который не советует полагаться на помощь автоматических переводчиков в Интернете, поскольку это – «машины, не обладающие способностью самостоятельно думать» [Corsten, 2020, S. 170]. Р. Моцикат, однако, находит известные плюсы в необходимости перевода, так как сама ситуация перевода заставляет автора переводимой статьи уточнять свои же формулировки, подчеркивает Р. Моцикат в статье «Ценность многоязычия в естественных науках»: перевод именно потому и важен, что он не просто является переносом содержания из одной знаковой системы в другую, а связан с необходимостью иного мышления и тем самым выявления новых аспектов сообщаемой информации [Mocikat, 2018].

Доминирование английского языка в науке, поддерживаемое министерством культуры и образования, различно воспринимается учеными из гуманитарной и социальной сферы, с одной стороны, и из сферы естественных наук – с другой. Гуманитарии стремятся отстоять традиционное для немецкой науки отношение к языку, сформулированное великим немецким лингвистом и философом Вильгельмом фон Гумбольдтом: каждый язык создает свою собственную, свойственную только ему перспективу восприятия мира (картину мира), т.е. мир существует в сознании человека только в языковом преломлении, в языковой форме. Поскольку существует много языков, существует и много вариантов восприятия мира. Насаждение английского языка приводит к «сужению научных перспектив (Verengung der wissenschaftlichen Perspektiven) и пред-

почтению английских и американских подходов к постановке вопросов (*Bevorzugung englischer und amerikanischer Fragestellungen*), подчеркивает юрист Аксель Флесснер, профессор Берлинского университета им. В. фон Гумбольдта [Flessner, 2010, S. 888], отмечая, что это типично, прежде всего, для экономической науки.

Доминирование английского языка в научной сфере вне Великобритании и США обосновывается, как правило, только одним аргументом – упрощением и ускорением коммуникации. А. Флесснер считает этот аргумент нереалистичным, поскольку он акцентирует внимание только на одном этапе научной деятельности, которая проходит, однако, в несколько этапов. А. Флесснер перечисляет их:

1) постановка вопроса и планирование исследования: преимущества английского языка здесь никак не проявляются, т.е. предстоящие исследования обдумываются не обязательно на английском языке, который, к тому же не является принятым языком в двух третях стран мира;

2) проведение исследований и их результатов: это не обязательно должно проходить (и проходит) на английском языке, если участникам проекта удобнее пользоваться другими языками;

3) фиксирование результатов исследования: в гуманитарных науках это делается в письменной форме, в естественных и в эмпирических социальных науках, в основном, в виде таблиц и графиков; язык нужен только для составления протоколов и пояснительных текстов;

4) интерпретация и оценка полученных результатов и их связи с предшествующими знаниями: иностранные языки (т.е. не английский язык) могут быть здесь помехой, но могут оказаться и полезными, если полученная ранее информация представлена именно на не-английских языках;

5) распространение полученных данных сначала среди узких специалистов, а затем и в более широких научных кругах; на этом этапе проявляются преимущества английского языка;

6) убеждение научного сообщества в ценности полученных результатов, что связано с умением аргументировать и риторическими навыками ученого, получившего эти результаты, что лучше всего получается на родном языке, так что использование английского языка в этой ситуации является, скорее, препятствием для успешной коммуникации.

С концепцией А. Флесснера согласны медик Р. Моцикат и биохимик Г.Х. Дитер, которые в статье «Универсальный язык для естественных наук? Критическое замечание» отмечают следующее.

1. Рождение и формулировка научной гипотезы происходит в языковом сознании на родном языке, так как только он с его развернутой сетью образов и коннотаций предоставляет нужный когнитивный ресурс для познавательного процесса. Полученные результаты могут быть изложены и на других языках, что связано уже с «процессом перевода, который сам по себе является критическим осмыслением объекта исследования и, соответственно, уточняющим актом познания» [Mocikat, Dieter, 2011, S. 28].

2. «Научные абстракции и теоретические понятия базируются исключительно на родном языке. Не только в гуманитарных или культурологических науках язык является не просто медиумом для передачи считающегося надежным знания, но также и прежде всего эвристическим¹ инструментом. И в естественных науках язык выполняет как коммуникативную функцию общения с внешним миром (*extra-kommunikative Funktion*), так и внутренне-когнитивную функцию (*intern-kognitive Funktion*) [там же].

Научные теории, которые выстраивают исследователи, могут быть представлены только средствами родного языка, прежде всего системой метафор и образов, которая задает структуры мышления и ход аргументации [Mocikat, 2010, S. 652]. Эту точку зрения разделяют и другие немецкие ученые, так, например, биофизик Шт. Кляйн считает, что через языковые метафоры устанавливается эмоциональная связь человека с изучаемым объектом. Шт. Кляйн вспоминает, с каким восторгом он впервые услышал на лекции образные и потому такие удобные (*griffige*) обозначения некоторых понятий в физике: *Kerne* «ядра», *Ringe* «кольца», *Verschränkung* «переплетение». «Я сразу же смог зрительно представить себе эти понятия. Обозначение 'квантовое переплетение', используемое в квантовой физике, гораздо более ярко воспринимаются ученым – носителем немецкого языка, чем английское *entanglement*» [Klein, 2007].

А. Флесснер также приводит примеры того, как когнитивные метафоры влияют на поиски новых исследовательских подходов

---

¹ «Эвристический» значит «имеющий отношение к поиску или открытию» (от греч. *heuris* «чутье»); например, эвристической называют гипотезу, претендующую не столько на решение проблемы, сколько на ее иную, более удачную постановку; она не предлагает решения проблемы, но помогает в его поиске [Философский словарь Спонвиля].

(Gewinnung neuer Untersuchungsansätze): *schwarze Löcher, die Sterne fressen* «черные дыры, которые пожирают звезды»; *elektrischer Strom, der fließt* «электрический ток, который течет»; *Licht, das durch das Fenster fällt und sich dabei als Teilchen oder Welle bewegt* «свет, который падает в окно и при этом движется, как частицы или как волна» и т.д. Представление о свете как о волне настраивает исследователей на иные эксперименты, нежели представление о свете как о частицах [Flessner, 2010, S. 892]. На использование когнитивных метафор в научном дискурсе обращает внимание также физик Ганс Магнус Энценсбергер в статье «Поэзия науки», на которую ссылается Р. Кельбрандт: в физике – *weiße Zwerge* «белые карлики», *weißes Rauschen* «белый шум»; в математике – *Wurzel* «корень», *Büschel* «пучок», *Knoten* «узел», *Schlingen* «петля» и т.д. На немецком языке были опубликованы пионерские работы по физике (*bahnbrechende Arbeiten der Physik*), в которых были использованы термины, актуальные и сегодня в квантовой механике, например, *Eigenwert* = *Eigenvalue* (букв. «реальная стоимость») → матем. «собственное значение» [Kaehlbrandt, 2012, S. 818].

Навязывание исследователям-не-англичанам (т.е. большей части научного сообщества) английского языка Р. Моцикат связывает также с проблемой плагиата в сфере научной коммуникации. Не будучи в состоянии легко формулировать свои мысли на английском языке, эти исследователи используют английские выражения, где-то когда-то ими увиденные / услышанные, которые они считают удачными, к которым они привыкают и со временем начинают считать своими. Такое явление медик Р. Моцикат квалифицирует как криптомнезию, при котором источник забывается и чужие идеи кажутся человеку собственными [Mocikat, 2018].

Для сферы образования тенденция к моноязычию опасна еще и потому, что в этой ситуации образовательный процесс получает новую точку отсчета, когда оказывается забытым многое из сделанного до наступления эпохи глобализации и поэтому не включенное в вузовские программы. По наблюдениям П. Баришича, особенно велики потери в области философии, так как выдающиеся работы по критической и идеалистической философии, экзистенциализму, написанные Кантом и Гегелем, Шопенгауэром и Ницше, Хайдеггером, Гадамером и Хабермасом, т.е. самыми читаемыми и цитируемыми философами мира, написаны на немецком языке. «Чтобы правильно понять их произведения и всю глубину их размышлений, надо погрузиться в языковые и ментальные глубины (*sprachliche und gedankliche Tiefen*) немецкого языка. Потому что с

каждым переводом уходит что-то из неповторимого своеобразие вершин их мысли» [Barišić, 2019, S. 46].

Сегодня немецкие ученые, особенно гуманитарии оказались перед дилеммой: или перейти на английский язык, согласившись на использование весьма ограниченно применимых в гуманитарной сфере количественных методов оценки публикаций, или же быть вытесненными на периферию, даже будучи англофицированными. Особенно это касается частных филологий, которые в соответствии с экономически мотивированной имперской логикой управления наукой (см. выше) постепенно превратятся в реликт XX в., пишет З. Германн [Gehrmann, 2015, S. 128]. Из-за специфической для каждого языка семантики, различий в моделях аргументации, образовании понятий, в подходах к исследуемым объектам эти науки противятся международной нивелировке и гомогенизации их областей исследования (Homogenisierung ihres Wissenschaftsfeldes). Именно в таких различиях видит З. Германн силу и убедительность гуманитарных наук, но, к сожалению, также и их неспособность противостоять унифицированному управлению информационными потоками, характерными для XXI в. [Gehrmann, 2015, S. 128]. В гуманитарных науках сложилась некая парадоксальная ситуация, о которой с иронией пишет К.П. Лиссманн. Эти науки часто упрекают в том, что они могут существовать без особой материальной поддержки: «Если выбивание спонсорских денег становится критерием качества науки, то неудачником становится тот, кому эти средства не нужны, потому что ему достаточно головы, чтобы думать. Их (гуманитарных наук. – *Н. Т.*) высочайшее научное качество (ihre wissenschaftliche Exzellenz) неоспоримо во многих областях при скромных финансовых ресурсах и тем не менее их часто обвиняют в экономической бесполезности. Что бы гуманитарные науки ни делали, их это не спасет. Даже самые убедительные ссылки на участие в международных проектах (die besten internationalen Referenzen), как известно, не защищают от закрытия научные институты с богатыми историческими традициями, а ведь ничто так не сомнительно и не преходяще, как так называемая польза. Как бы новаторски, серьезно и убедительно ни проявляли себя гуманитарные науки, шанс на включение в какую-либо замечательную программу (Exzellenzprogramm) у них появится только, если они обязуются обеспечить единственную для себя возможную ценность – идеологические услуги (ideologische Dienstleistung) [Liessmann].

Как справедливо отмечает П. Баришич, развитие науки и образования не всегда протекает однозначно поступательно: нередко случаются замедления, отступления в сторону (что впоследствии оказывается неоправданным) и даже наступают этапы регрессии. На таких этапах запас знаний не только не наращивается, но может и значительно сокращаться. Одной из причин такой научной стагнации П. Баришич называет в своей статье «Языковой капкан науки», подчеркивая, что сторонники и участники моноязычного развития науки могут и не понимать, что они движутся в сторону разрушения (научного знания. – *H. T.*) (*in Richtung des Verfalls*) [Barišić, 2019, S. 40], т.е. стремятся повернуть языковое разнообразие науки вспять, уточняет Шт. Кляйн [Klein]. По этому поводу высказывается также З. Германн в статье «Контроль над флюидом: Язык науки как часть нового мирового порядка»: те, кто поддерживают моноязычие в науке, сомневаются в существовании принципиальной взаимосвязи языка и познания. Они, как например, У. Аммон [Ammon, 2010, S. 401], полагают, что «формулировкам, которые невозможно перевести на терминологически богатые языки, например, на английский, свойственна смысловая неясность» [там же]. Цель такой позиции З. Германн видит в поддержке создания картины мира с единообразной классификацией реальности на основе единого универсального языка науки, который игнорирует и устраняет многозначность и различия в имплицитных связях, присущих средствам различных национальных языков. Это происходит не для того, чтобы сделать научную коммуникацию удобной, а для управления ею, заключает З. Германн [Gehrmann, 2015, S. 126].

Сторонники многоязычия в науке [Ehlich, 2005; Ehlich, 2006; Mosikat, 2013] убеждены, что системы понятий коннотативно связаны с историей и культурной памятью языкового сообщества, что многоязычие в науке – это обязательный компонент познавательного процесса, ориентированный на его разнообразие, а не на унификацию [Gehrmann, 2015, S. 127].

Будучи обеспокоены такой ситуацией в сфере немецкой науки и образования, несколько ведущих немецких научных организаций опубликовали в 2009 г. совместное заявление «Немецкий как язык науки», в котором призывают признать немецкий язык наряду с английским языком современной науки, для чего рекомендовать выполнение проектов и публикацию их результатов на немецком языке. Это заявление подписали президенты фонда Александра фон Гумбольдта, Немецкой службы академических обменов,

Института им. Гёте и Конференции ректоров высшей школы [Deutsch als Wissenschaftssprache]. А. Флесснер с сожалением отмечает, что к этому заявлению не присоединились ни «Общество им. Макса Планка» (nicht die Max-Planck-Gesellschaft), ни «Немецкое научно-исследовательское общество» (nicht die Deutsche Forschungsgemeinschaft), ни большие фонды (nicht die großen Stiftungen) [Flessner, 2010, S. 896]. На таком фоне едва ли стоит удивляться той ситуации, которая сложилась на XXII философском конгрессе в 2008 г. в Сеуле на тему «Переосмысливая современную философию: Первые итоги и перспективы», где статус немецкого языка как рабочего на таких конгрессах был подвергнут сомнению. В качестве аргументов были выдвинуты следующие положения: 1) все немецкие философы прекрасно владеют английским языком; 2) английский язык используется и на конференциях в Германии по специальным проблемам. В качестве контраргумента было заявлено, что многие философы из центральных и восточноевропейских стран используют в международной коммуникации именно немецкий язык, так как он является для них первым иностранным. В результате было решено сохранить за немецким языком статус рабочего языка на следующем философском конгрессе в 2013 г. в Афинах. Из 2132 опубликованных материалов афинского конгресса на немецком языке были написаны только 33 текста, т.е. 1,5%. Все резюме были написаны на двух языках – на родном языке автора и на английском.

III. НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Сегодня ситуацию, в которой оказался немецкий язык в академической (научно-исследовательской и образовательной) сфере, можно определить как диглоссную [Barišić, 2019, S. 47], т.е. такую, в которой говорящие сознательно выбирают язык, способный оптимально обеспечить их коммуникативный успех. Однако конкуренция немецкого и английского языков весьма болезненно переносится многими участниками научного дискурса именно из-за успеха немецкого языка в этой сфере в прошлом.

1. История немецкого языка как средства научной коммуникации

Осенью 1687 г. профессор философии и права Лейпцигского университета Кристиан Томазиус объявил, что прочитает лекцию «Programma» на немецком языке. Для тогдашнего академического сообщества это был революционный шаг, так как со времен Средневековья языком научного дискурса была преимущественно латынь. Почти до конца XVIII столетия более или менее приемлемой альтернативой ей считался французский язык. Томазиус же решился на чтение лекции на немецком языке в конце XVII в.! В Лейпцигском университете в те годы, когда там преподавал Томазиус, чтение лекций на немецком языке было запрещено официально: нарушителей привлекали к ответственности. Некоторые лейпцигские преподаватели всерьез предлагали опрыскать объявление Томазиуса святой водой, чтобы изгнать лекционную программу Томазиуса из университета и обвиняли его в неуместном патриотизме. Однако молодой профессор совсем не стремился доказать свой патриотизм. Он хотел показать, что использование только одного языка в науке идет ей во вред. Томазиус настаивал на использовании в университете наряду с латынью двух живых языков – немецкого и французского. Французский язык Томазиус ценил за его элегантность и стилистическую гибкость, что доказывала проза Декарта (Descartes), Бэля (Bayle) и Фонтенеля (Fontenelle). Немецкий язык не менее, чем французский, подходил для изложения научных проблем, считал Томазиус. Выступая за многоязычие в науке, Томазиус стал читать свои лекции попеременно на немецком языке и на латыни [Alt].

Немецкий язык прочно вошел в научный оборот в эпоху Просвещения и достиг своего максимального развития в этом дискурсе во второй половине XIX в., заняв ведущие позиции как в гуманитарной сфере, так и в естественно-научной и в медицинской. Лидерство немецкий язык сохранял до середины XX в. Владеть немецким языком считалось само собой разумеющимся: когда Зигмунд Фрейд в 1909 г. был приглашен в Массачусетский университет для чтения лекций по психоанализу, он выступал на немецком языке, и его американские коллеги вполне его понимали.

Историей немецкого языка как языка науки подробно занимался ведущий немецкий социолингвист Ульрих Аммон, начиная с 1999 г. [Ammon, 1999; The Dominance of English, 2000]. Итог

этим исследованиям он подвел в своей последней монографии «Позиции немецкого языка в мире» [Ammon, 2015], посвятив немецкому научному языку периода его расцвета главу «Немецкий язык в сфере международной научной коммуникации». Основные этапы этого периода, важные для понимания сегодняшней ситуации, излагаются в настоящем аналитическом обзоре.

Начиная со второй половины XIX в. именно немецким языком пользовались специалисты не только из немецкоязычных стран, но и их коллеги из других стран¹. Английский язык доминировал в сфере международной торговли, французский – в сфере дипломатии. Лидерство немецкого языка в научной сфере подтверждается тем, что большинство лауреатов Нобелевской премии по естественным наукам или родились в немецкоязычной стране, или получили в ней образование, специализировались или работали в какой-либо научной сфере. Последнее касается также ученых, не являвшихся носителями немецкого языка, например: 1) химиков – шведа Сванте Аррениуса (Svante Arrhenius), который учился в Лейпцигском университете (Нобелевская премия 1903 г.), шведа Теодора Сведберга (Theodor Svedberg), который два раза стажировался в Берлине и один раз в Вене (Нобелевская премия 1926 г.), американца Ирвинга Ленгмюра (Irving Langmuir), который защитил докторскую диссертацию в Гёттингене (Нобелевская премия 1932 г.) и др.; 2) физиков – американца А.А. Михельсона (A.A. Michelson), обучавшегося в Берлине и Гейдельберге (Нобелевская премия 1907 г.), англичанина Дж. Чэдваика (J. Chadwick), работавшего в Шарлоттенбурге (Нобелевская премия 1935 г.); 3) медиков – российского врача И.И. Мечникова, учившегося в Гиссене, Гёттингене и Мюнхене (Нобелевская премия 1908 г.), датчанина А.Г. Фибигера (A.G. Fibiger), получившего образование в Берлине, и многих других. Публикуясь именно на немецком языке, ученые разных стран обеспечивали себе международную известность. Так, российский химик А.М. Бутлеров придавал большое значение переводу на не-

---

¹ П.-А. Альт приводит дополнительную информацию по этому вопросу: еще и в 20-е годы XX в. в восточноевропейских университетах преподавание часто велось на немецком языке: в Литве и в Грузии немецкий язык был обязательным для обучения по многим естественнонаучным дисциплинам, что не исключало использования русского, английского и французского языков на занятиях в специальных научных кружках. Многоязычие было естественным элементом европейского научного сообщества. Сегодня это многоязычие утрачено, будучи вытесненным английским языком, которое П.-А. Альт называет *lingua franca* современной науки (см. об этом выше) [Alt].

мецкий язык своего учебника по органической химии (1868). Фундаментальный труд Д.И. Менделеева «Основы химии», в котором изложена периодическая система элементов, был переведен сначала на немецкий, а затем английский и французский языки. Большое значение придавал переводам своих работ на немецкий язык также и великий русский физиолог И.П. Павлов.

В ряде не-немецкоязычных стран, например, в России, Венгрии и Чехословакии издавались медицинские журналы на немецком языке. На международных конгрессах даже между двумя мировыми войнами звучал немецкий язык, что было обусловлено не количеством немецкоязычных участников этих конгрессов, а тем, что в ходу была именно немецкая терминология и основные работы публиковались на немецком языке.

Однако уже в это время появились первые признаки утраты немецким языком своих лидерских позиций в научном мире. Этот процесс получил название «языкового бойкота» (*Sprachboykott*), под которым имелось в виду «организованное государствами-победительницами (в Первой мировой войне. – *Н. Т.*) целенаправленное многолетнее вытеснение немецкого языка из сферы международной научной коммуникации» [Ammon, 2015, S. 532]. Этому в немалой степени способствовал опубликованный ранее (4 октября 1914 г.) так называемый «призыв к миру культуры» («*Aufruf an die Kulturwelt*») 93 ведущих немецких ученых – обращение, оправдывавшее начавшуюся незадолго до этого войну. За этим последовало «Заявление преподавателей высшей школы Германской империи» («*Erklärung der Hochschullehrer des Deutschen Reiches*», 16 октября 1914 г.) аналогичного содержания, под которым стояло более 3000 подписей. Таким образом, немецкое научное сообщество зарекомендовало себя как отрицающее ответственность Германии за развязывание войны и жестокость на полях сражений. В результате мировая научная общественность создала новые международные научные организации, в которые категорически не принимались немецкие и австрийские ученые и запрещался немецкий язык как в устном, так и в письменном общении. Этот запрет распространялся на все естественнонаучные дисциплины; в гуманитарной сфере делались некоторые уступки. Однако отдельные, особо выдающиеся немецкие ученые могли выступать на немецком языке, например А. Эйнштейн сделал доклады в 1921 г. в Англии и в 1922 г. в Японии на немецком языке. Немецкое научное сообщество пыталось объявить встречный язы-

ковой бойкот (Gegenboykott) [Ammon, 2015, S. 534] другим языкам, но безуспешно¹.

Приход к власти национал-социалистов в Германии в 1933 г. еще более усугубил ситуацию в плане бойкота немецкому языку, так как были расстреляны или вынуждены к эмиграции 1617 немецких ученых (прежде всего, еврейского происхождения). 825 из них переселились в США, где перешли на английский язык.

После окончания Второй мировой войны позиции немецкого языка в научной сфере продолжали ослабевать. При этом в университетах США с 1960 г. снизились требования к уровню знания иностранных языков, прежде всего немецкого. Ведущие научные книжные издательства вынуждены были перейти на английский язык.

2. Востребованность немецкого языка в современной науке

В 80-х годах XX в. произошел коренной перелом в востребованности немецкого как языка для научных целей: в англоязычных странах перестали издаваться соответствующие учебники. Если это еще и происходит в отдельных странах, например в Японии или в Южной Корее, то лишь в силу традиции. Немецкий язык сохраняет свои международные позиции только в некоторых научных областях – в так называемых «научных нишах» (Nischenfächer). Используя введенное Х. Вайнрихом [Weinrich, 1986] понятие научной ниши, У. Аммон относит к этим нишам следующие области гуманитарных исследований: историю, философию, германистику, музыковедение, теологию, правоведение, антиковедение, историю Древнего мира и Средневековья, общее языкознание, классическую филологию, археологию, искусствознание, литературоведение, социологию, герменевтику, культурологию, частные филологии, политологию, театроведение. Автором был проведен также опрос среди немецких ученых-гуманитариев на тему: на каких иностранных языках они чаще всего читают свою специальную литературу? Все участники опроса читают на немецком языке,

---

¹ По предположению У. Аммона, немецкий язык так или иначе потерял бы свои лидирующие позиции, что привело бы к его статусному отставанию (Statusrückstand) в международной научной коммуникации, поскольку после окончания Второй мировой войны он не был включен в список официальных языков (Amtssprachen) Лиги Наций, в отличие от английского и французского [Ammon, 2015].

97% – на английском языке, 65 – на французском, 32 – на итальянском, 17 – на испанском и 14% – на нидерландском.

Однако немецкий как естественный язык для германистических публикаций не гарантирован от ослабления своих позиций даже в германистике, так как постоянно растет число публикаций по германистике на английском языке. Этот процесс начался с середины 90-х годов XX в.: процент публикаций по германистике на английском языке составлял тогда 12,8%, т.е. больше, чем публикаций на всех остальных (кроме немецкого) языках вместе взятых: на французском было опубликовано 3,3%, на итальянском – 1, на русском – 1, т.е. всего 7,2% [Ammon, 2015, S. 608].

Часто утверждается, что корреляция «германистика – немецкий язык» есть нечто естественное и поэтому нет оснований беспокоиться о судьбе немецкого языка в германистических исследованиях. Однако, как указывает У. Аммон, существует различие между языком объекта исследования и метаязыком: языком исследуемого объекта может быть немецкий язык, а само исследование написано на английском. При этом знание языка объекта исследования является обязательным.

Сегодня немецкий язык многие считают старомодным для науки, вышедшим из научного употребления (*obsolete Sprache*), сожалеет К. Элих [Ehlich, 2000], возлагая значительную долю вины в этом на политиков в области науки и образования. В результате научный симпозиум на тему «Немецкий как язык науки в XX веке», организованный Академией наук и литературы в Майнце (Германия) 18–19 января 2000 г., многим показался странным, а сам объект обсуждения чисто историческим. К. Элих усматривает в такой оценке аналогию с моноязычием в Средневековье, когда в науке господствовала латынь.

3. Немецкий vs английский научный стиль

Соперничество немецкого и английского языков в научной сфере, в котором немецкий язык сдает свои позиции, – это еще и соперничество научных традиций и стилей мышления, т.е. когнитивных стилей. Проблеме когнитивного стиля как монокультурного феномена посвящена цитированная выше статья В.Е. Чернявской «Может ли ученый мыслить национально специфично?» [Чернявская, 2012], опорным концептом которой является концепт «культурно-языковая специфика научного текста». Автор исходит из

того, что «участники коммуникации наряду с фоновым энциклопедическим, языковым, нормативным (текстотипологическим) знанием обладают и культурологическим знанием: конвенциональные социокультурные значения отражаются в ментальности субъектов речи и проявляются при формулировании текста в выборе (предпочтении) тех, а не иных языковых единиц» [Чернявская, 2012, с. 156]. Актуальная для сегодняшнего научного дискурса проблема звучит так: существуют ли наряду с индивидуальными когнитивными научными стилями также и национальные (идиоэтнические) стили мышления, находящие отражение в организации и поверхностной структуре научных текстов? Автор статьи понимает под когнитивным стилем научного мышления (*style of scientific thinking, cognitive style, Denkstil, kognitiver Stil*) «способ постановки научных проблем, научной аргументации и дискуссии, изложения результатов научного мышления» [Чернявская, 2012, с. 159], т.е. представления об идеальных образцах научного творчества, выражающий «дух» научного мышления своего времени. Эти образцы транслируются через структуры научной среды (научные школы, кафедры, институты), а также передаются с научными традициями, причем все это происходит в процессе научного общения, подчеркивает В.Е. Чернявская со ссылкой на Б. Вайса [Weiß, 2009, S. 1295–1296¹]. Из этого В.Е. Чернявская делает следующие выводы, важные в плане сопоставления национальных стилей научного мышления: стиль научного мышления детерминирует научное познание; проявляется во внутреннем употреблении в научных кругах; выступает как особая ценностная форма рефлексии над наукой, задающая особую шкалу приоритетов и ограничений на выбор методов; должен рассматриваться как часть культурно детерминированной человеческой практики [Чернявская, 2012, с. 159–160].

В другой статье («Культурная маркированность текста: Лингвистика текста в межкультурной проекции» [Чернявская, Закарян, 2014]) сообщается о традиционном различении национальных стилей мышления: «германском» (тевтонском, *Teutonica*), «англо-американском» (саксонском, *Saxonic*), «французском» (*Gallic*) и японском (*Nipponic*). Делается оговорка об известной степени стереотипизированности этого представления о национальных когнитивных стилях и отмечается принятое противопоставление германского стиля англосаксонскому.

---

¹ Х.Г. Дитер напоминает высказывание известного немецкого физика Вернера Гейзенберга: «Наука рождается в беседе» [Dieter, 2019, S. 72].

Отличительной чертой «германской» научной традиции считается подчеркнутая теоретизированность немецкого научного текста, которая влечет за собой минимальную включенность эмпирических / фактических данных в структуру рассуждений непосредственно в текстовой ткани. Следствием этого является, по распространенному мнению, известная элитарность немецких академических трудов: тексты немецкоязычных ученых традиционно признаются трудными для чтения. Они считаются в значительной степени монологичными, т.е. адресантоцентричными. «Немецкий научный текст, – написанный по-немецки немецким ученым, – имеет в качестве прагматической доминанты установку на сообщение знания. При этом ответственность за понимание текста неравномерно распределяется между автором и читателем. Для немецкого ученого – автора текста – не стоит задача сделать его понятным, ... это ответственность читателя – понять текст» [Чернявская, Закарян, 2014, с. 13]. Известное высказывание на этот счет «Not the German professor speaks, but scholarship through him» «Это говорит не немецкий профессор, но наука его устами» отражает устоявшееся мнение о представлении знания как целостной системы в немецкой академической традиции. «Целостная» означает непрерывную связь сообщаемой информации с широким теоретическим ее контекстом.

Англосаксонский научный стиль, напротив, характеризуется как приближающийся к научно-популярному стилю, поскольку он ориентирован на адресата, т.е. он адресантоцентричен и диалогичен. «Научные тексты, написанные по-английски англо-американским автором, считаются легкими для чтения потому, что сконцентрированы не на содержании (глубинный уровень текста), но на способе, форме его внешнего представления читателю» [Чернявская, Закарян, 2014, с. 13]¹. «В саксонском стиле главнее взаимодействие (co-operation) между автором и его адресатом», – цитируют В.Е. Чернявская и С.С. Закарян известного австралийского лингвиста М. Клайна [Clyne, 1987, p. 238]. С точки зрения немецких ученых, подобное популярное изложение в англоязычных публикациях воспринимается как недостаток, нарушение нормы академического стиля, что не способствует ни карьерному росту ученого,

---

¹ Различия в организации текстов, выдержанных в немецкой и англосаксонской научной традиции, соотносятся также с различными риторическими подходами: «Немецкая научная традиция ориентирована на понимание, а английская – на убеждение», указывает немецкий лингвист В. Тильманн [Thielmann, 2010, S. 814].

ни его авторитету среди коллег [Чернявская, Закарян, 2014, с. 13; см. также: Чернявская, 2012, с. 161].

Учитывая вышесказанное, В.Е. Чернявская выдвигает гипотезу о том, что «культурно-языковая принадлежность научного текста может оказать влияние на организацию его поверхностного уровня, выраженность в ней определенных текстовых компонентов, выступающих в качестве формы для вербализации когнитивных процессов. ... Межкультурная вариативность на уровне композиционной организации научных текстов проявляет себя в особом рода содержательно-тематической асимметричности отдельных текстовых частей и композиционно-прагматических сегментов по отношению друг к другу. Так, ... текстовые блоки 'характеристика предмета исследования', 'история вопроса', 'постановка целей и задач исследования', связанные с актуализацией старого, известного знания, занимают в рамках текстового целого гораздо больший объем по сравнению с теми текстовыми отрезками, которые вербализуют собственно 'здесь и сейчас' новое авторское знание. Новое вводится в очень широком контексте предшествующего знания. Здесь уместно вспомнить об «эффекте айсберга», характеризующем заключенное в научном тексте знание: его основной теоретический фундамент 'лингвистически скрыт' за главными обобщениями, вербализуется только 'верхушка' того массива предшествующего знания, которое легло в основу его очередного нового фрагмента. Так вот, воспользовавшись этой метафорой, можно сказать, что немецкий научный текст стремится приподнять видимую часть 'айсберга знаний' гораздо выше, чем это типично для иных когнитивных стилей и культурно-речевых традиций. Возвращение к уже известному как фундаменту представляемого своего знания очень характерно для немецких научных публикаций на этапе доказательства. Интертекстуальные отсылки к чужим текстам широко и интенсивно включаются в систему аргументов, вводятся часто как исходный тезис на многих промежуточных витках рассуждений. На этапе доказательства истинность какой-либо точки зрения может подтверждаться не собственными наблюдениями автора, эмпирическими данными, но через ссылки на заключения других ученых в системе сравнения, противопоставления и пояснения альтернативных взглядов. Таким образом складывается многоярусная иерархия интертекстуальных отношений – то, что с позиций англо-американских авторов и читателей выглядит как «отклонение от темы» (digressiveness), противопоставляемое линейному разворачиванию темы. Эта ситуация

текстопорождения, типичная в немецком научном дискурсе, отличается от других культурно-речевых практик. Подобные расхождения в научном дискурсе объяснимы с очевидностью различий в системе национально-культурных ценностей и конвенциональных представлений. Такие черты, как подчеркнутая точность изложения, педантичность, добросовестность при выражении научной преемственности – то, что принято считать основательностью и аккуратностью, обуславливают в немецком научном стиле большее внимание к содержанию знания как таковому. Эти черты являются отражением национально-маркированного стиля мышления ученого» [Чернявская, 2012, с. 161].

Для исследования национальной специфики когнитивного научного стиля очень важен анализ научных текстов, написанных не-носителями того языка, на котором опубликован текст. В этом плане интересны результаты исследований М. Клайна, которые приводит В.Е. Чернявская: «Некоторые специалисты в области естественных и точных наук прямо заявили о неприемлемости их 'немецких норм' для английского стиля научных публикаций. Гуманитарии, специалисты в области лингвистики и социальных наук ощущали себя в 'тисках двух мировидений' ('caught between two worlds') и заявляли, что их немецкий стиль богаче, сложнее нежели английский, который представляется им более тривиальным. Некоторые опрашиваемые ученые признавались, что 'были не поняты английскими коллегами в том смысле, что многие важные и потому пространно описанные идеи оценивались английскими читателями как нерелевантные'» [Clyne, 1991, p. 64; цит. по: Чернявская, 2012, с. 162]. В.Е. Чернявская формулирует следующий вывод: «Линейная растянутость в объеме, привычная в немецкой научной традиции, способна становиться (и становится, как видно из межкультурного ракурса этой проблемы!) фактором, тормозящим понимание текста читателями иного когнитивного стиля мышления из иной культурной среды. Она воспринимается как нарушение нормы представителями иной культуры. И, соответственно, для немецких ученых девиантным, ненормативным выглядит формулирование, выходящее за рамки собственной академической традиции» [Чернявская, 2012, с. 162].

IV. НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГЕРМАНИИ

1. Немецкий язык и Болонская реформа высшего образования

Проблемы использования в учебном процессе немецкого языка и конкурирующего с ним английского в немецких вузах связаны с созданием общеевропейского пространства высшего образования, что потребовало перестройки учебных программ в вузах Германии в соответствии с положениями «Болонской декларации» [Болонская декларация]. Она была подписана европейскими министрами образования 19 июня 1999 г. в Болонье. Ведущая роль в этом общеевропейском интеллектуальном пространстве отведена университетам. Предшественницей Болонской декларации была «Сорбонская декларация по гармонизации архитектуры европейской системы высшего образования», подписанная 25 мая 1998 г. в Париже министрами образования Франции, Италии, Германии и Великобритании [Сорбонская декларация]. Ее целью провозглашалось создание единого пространства обучения и преподавания при сохранении культурного своеобразия европейских стран в сочетании с академической мобильностью. Эти базовые принципы были перенесены в Болонскую декларацию, но, как впоследствии выяснилось, практика реализации этой Декларации оказалась весьма далека от содержания ее положений и, в первую очередь, это проявилось в языковой ситуации, сложившейся в университетах, в частности в немецких. Поскольку языковой аспект Болонского процесса был проработан явно недостаточно, эта реформа не только подорвала основы академического образования, казавшиеся незыблемыми (*Selbstverständnis von akademischer Bildung*), но по факту поддержала ликвидацию немецкого языка как языка науки и обучения в немецкоязычных странах в связи с практически бесконтрольным введением в них английского языка как языка обучения, считает профессор Р. Моцикат [Mocikat, 2010, S. 652]. Он обращает внимание на явное противоречие этого обстоятельства и положений Болонской декларации, которая однозначно призывает к уважению культур, языков и систем европейского высшего образования. Ни одна европейская институция не требует перевода высшего образования на английский язык: такие решения принимаются на местах в немецких университетах без учета негативных последствий, указывают профессора Технического университета

Вильдау (Германия) Ольга Рёш (кафедра межкультурной коммуникации), Гюнтер Толкин (кафедра информатики) и Ральф Ленерт (кафедра инженерных и естественных наук) в статье «Язык страны в учебном процессе – какое значение это имеет для интернационализации?» [Rösch, Tolkiehn, Lehnert, 2019, S. 14]. Именно неправильное понимание интернационализации чиновниками высшей школы подталкивает их к безоговорочному признанию английского языка как единственного языка обучения. А ведь именно призыв к интернационализации в сфере высшего образования должен был способствовать формированию таких представлений и понятий в языковой политике, которые учитывали бы реальное языковое многообразие. Стремление «хорошо подготовить Германию к глобализации» [Deutschland ‘fit für die Globalisierung’ machen] и понимание этого именно как американизации привело к появлению понятия «американец с немецким паспортом» (Amerikaner mit deutschem Pass), констатирует Г.И. Майер в статье «Смелее реформировать реформу: Замечания по поводу Болонского процесса» [Meyer, 2009]. В соответствии с таким настроем началось вытеснение немецкого языка из сферы образования, причем не только высшего – были даже организованы курсы для воспитательниц в детских садах под названием «Early Education»! По странной иронии эта реформа, которая держит в напряжении немецкие вузы, названа по имени итальянского города, где стояла колыбель схоластики. Сегодня мы возвратились к средневековым названиям академических уровней обучения: «бакалавриат», «магистратура», сожалеют Р. Моцикат и А. Флесснер [Mocikat, 2010, S. 653; Flessner, 2010, S. 875].

Основное критическое замечание в адрес Болонской реформы связано со снижением уровня образования, обусловленным как самим подходом к организации процесса обучения, так и его переводом на неродной для большинства студентов английский язык. По этим проблемам высказывается Р. Моцикат в статье «Готовое знание через монолог» [Mocikat, 2010, S. 653], подчеркивая ценность традиционного академического образования, которая состоит не просто в передаче устоявшегося знания, а в постоянном его эвристическом расширении: «Содержанием учебы является именно научный метод (Lerninhalt ist die wissenschaftliche Methode selbst). Обучаемый должен освоить стратегии, применяя которые, он сможет решить проблемы в новых ситуациях. Цель состоит в формировании самостоятельного критического мышления, способности анализировать высказывания, мыслить, учитывая взаи-

мосвязи. Это предполагает формирование личности, т.е. представлений студента о ценностях и установках. Именно это становится невозможным, если исключить культурно-исторический контекст, ментальные структуры и образы, основанные на родном языке. Исследования в других странах показали, что обучение на иностранном языке приводит к содержательному дефициту» [Mocikat, 2010, S. 653].

Именно содержательный дефицит образования, к которому приводит моноязычная Болонская реформа, беспокоит ученых: «В отличие от знания, основанного на научно-теоретическом фундаменте, обучение в эпоху ‘Болонской реформы’ нацелено на вдалбливание инструментального знания (*Verfügungswissen*), которое может быть оперативно использовано в сугубо экономических целях, а также на фрагментацию и компиляцию. Заблуждений, т.е. нормальной составляющей познавательного процесса, больше не должно быть. Такое образование, сведенное к накоплению готового знания (едва ли это образование заслуживает того, чтобы называться образованием), может с легкостью отказаться от свободного выбора языка обучения и принять тоталитарный подход, признающий лишь один общий язык» [там же].

Глубинную связь родного языка и качественного академического образования, возможно, еще не осознали даже критики Болонской реформы, пишет Р. Моцикат. Понятие «инструментальное / готовое знание» (*Verfügungswissen / Fertigwissen*), т.е. то, что можно получить в готовом виде из различных источников, в том числе и из учебных курсов, не прилагая к этому собственных исследовательских усилий, вполне соответствует понятию «информация». Нисколько не умаляя значения информации для научных исследований, Р. Моцикат подчеркивает, что «знание должно не только передаваться и накапливаться, но постоянно заново добываться (*muss immer neu erarbeitet werden*)» [там же], и это должно начинаться уже в процессе вузовского обучения, которое не должно опираться только на один язык, тем более на неродной.

Используя в научном общении только английский язык, неродной для большинства студентов, в ущерб родному языку, а также другим научно-состоятельным языкам (*wissenschaftstaugliche Sprachen*), мы действуем во вред свободе познания, добровольно накладывая на себя когнитивные ограничения, заключают Р. Моцикат и Г.Х. Дитер [Mocikat, Dieter, 2011, S. 28–29; см. также: Lehmann, 2012, S. 349]. В цитированной статье Р. Моциката и Г.Х. Дитера приводится высказывание немецкого физика и фило-

софа Карла Фридриха фон Вайцзеккера (Carl Friedrich von Weizsäcker): «Так называемую точную науку никогда и ни при каких условиях нельзя лишать привязки к тому, что называют естественным, или разговорным языком» [Mocikat, Dieter, 2011, S. 28; см. также: ADAWiS].

Следует отметить, что на научных конференциях и в специальной литературе высказывается и противоположная точка зрения на эффективность Болонской реформы, в том числе и в языковом отношении. Сторонники позитивной оценки языковой ситуации в вузах Германии считают, что эта реформа позволила интернационализировать университеты путем внедрения двухступенчатой модели (бакалавриат / магистратура) в систему высшего образования и английского языка как единого языка обучения. В Мюнхенском техническом университете, который подвергся наиболее сильной критике противниками Болонской реформы (см., например, в статье О. Рёш «Интернационализация высшей школы – в чем *наши* цели?» [Rösch, 2015]) учебные программы на английском языке проводятся в магистратуре. Коммерческий вице-президент этого университета Герхард Мюллер видит в этом «никакой не ‘глупый перевод на экономические рельсы (Ökonomisierung)’, а предпринимательскую заботу о лучших талантах общества» [Müller, 2020, S. 26]. Он уточняет, что типичный немецкий студент, обучающийся по программе последовательного образования (konsekutives Bachelor / Master-Studium) «бакалавриат / магистратура» [Müller, 2020, S. 27], получает на уровне магистратуры 180 из 270 академических часов на немецком языке, остальные 90 – на английском. Это хорошая подготовка к трудовой деятельности в глобализованном мире, в котором свыше 30% профессий требуют знания английского языка. «Разумеется, наша задача состоит в том, чтобы стимулировать развитие мышления на немецком языке, так как в технических дисциплинах языковая компетенция является условием интеллектуальной компетенции» [там же]. В своем докладе «Университет между коммерческим руководством и задачами образования: Замечания с точки зрения бизнес-университета» на конференции в Тутцинге 26–27 февраля 2018 г. Г. Мюллер выразил твердую уверенность в том, что неправомерна сама постановка вопроса, так как коммерческое управление в сфере образования и науки обеспечивает для этой сферы солидную материальную базу в форме университета.

2. Немецкий язык и проблемы межкультурной коммуникации в вузах Германии

Организация учебного процесса по принципу «English only!» пользуется у студентов и преподавателей, популярностью, но вызывает у них же и критику. Разногласия по этому вопросу поддерживаются ситуацией постоянного межкультурного общения, которая сложилась в немецких университетах из-за наплыва иностранных студентов, так как сегодня Германия наряду с США, Канадой, Великобританией, Францией и Нидерландами входит в число стран, наиболее популярных у зарубежных студентов. По данным Федерального статистического ведомства (Statistisches Bundesamt), по программам зимнего семестра 2019 / 2020 г. в Германии обучался 411 601 иностранный студент из Китая (44 490 человек), Турции (38 902), Индии (25 149), Сирии (17 181), Италии (14 975), Австрии (14 190), России (14 073), Ирана (10 368), Украины (8933), Франции (8104), Камеруна (7844) и Вьетнама (7602 человек), что составляет 14,2% от числа всех студентов в Германии [Anzahl der ausländischen Studierenden]. Германия заинтересована в иностранных студентах по политическим причинам как участница Болонской декларации, обязанная содействовать формированию общеевропейского пространства (однако, как следует из вышеприведенной статистики, иностранные студенты далеко не всегда приезжают из европейских стран), и по экономическим причинам, т.е. для получения бюджетных и спонсорских финансовых средств.

Чем руководствуются иностранные студенты, выбирая Германию для получения высшего образования? Отвечая на этот вопрос, К. Петерайт и Э. Шпильманн-Роме [Petereit, Spielmann-Rome, 2010] опираются на следующие результаты анкетирования, проведенного специальным Бюро по международному менеджменту в области образования (Fachbüro für internationales Bildungsmanagement): 1) не надо осваивать трудный немецкий язык, так как учиться можно на английском языке; 2) высокое качество образования и невысокая плата за него (во многих случаях и бесплатно).

Иностранные студенты рассказали интервьюерам о том, что происходит вскоре после начала обучения на английском языке, – о фазах отчуждения от немецкой среды. Англоязычное обучение оборачивается недостатком, так как иностранные студенты оказываются лишены общения с немецкоязычным окружением, по-

сколько они все время говорят по-английски между собой и с преподавателями. Из-за плотного расписания занятий у них не остается времени на контакты с немецкими студентами. Наступает первая фаза отчуждения от немецкой среды и немецкой культуры: появляется неуверенность в себе, в своих способностях говорить по-немецки. На второй фазе иностранные студенты испытывают сожаление, что занятия на курсах немецкого языка, которые они посещали вначале, оказались ненужными, так как нет возможности использовать полученные знания в процессе учебы. Самой трудной оказывается третья фаза, когда иностранные студенты испытывают фрустрацию и опасение опозориться по возвращении домой, где их считают «экспертами по Германии», а они не могут даже адекватно ответить на мэйл, полученный коллегой из Германии, или поговорить по телефону с немецким партнером. Не случайно многие иностранные студенты хотят, чтобы с ними говорили по-немецки (*Sprecht deutsch mit uns!*). Оценивая такие результаты опроса иностранных студентов, К. Петерайт и Э. Шпильманн-Роме приходят к выводу, что английский язык как единственный язык обучения – это «искусственный конструкт интернационализации» [Petereit, Spielmann-Rome, 2010, S. 173].

В результате вопрос о языке обучения стоит в немецких вузах очень остро: сохранить ли преподавание на немецком языке, для чего требуется достаточный уровень подготовки студентов-иностранцев по немецкому языку, или все же перевести учебный процесс на английский язык, для чего требуется соответствующий уровень языковой подготовки всех студентов (и немецких, и иностранных, так как последние не всегда достаточно хорошо владеют английским языком) и преподавателей? Как при этом будет соблюдено гарантированное Основным законом ФРГ право граждан этой страны на получение образования на родном немецком языке [Gehrmann, 2020, S. 62]?¹. Не менее остро стоит вопрос о том,

---

¹ Юридическая значимость выбора языка в высшей школе иллюстрируется, например, в статье Р. Моциката «Ценность многоязычия» на примере решения Высшего административного суда итальянской Ломбардии от 2013 г. (Tribunale Amministrativo Regionale per la Lombardia 2013): запретить Миланскому политехническому институту переход на английский язык в преподавании всех учебных курсов и в приеме экзаменов для аспирантов. Это решение было подтверждено в 2017 г. Конституционным судом в Риме. Предпочтение отдается итальянскому языку, подчеркивается право на обучение на родном языке и свобода обучения. Полностью англоязычные курсы разрешаются только как параллельные с такими же на итальянском языке [Mocikat, 2018].

как переход на английский язык скажется на качестве полученных знаний? Насколько такой переход соответствует потребностям международного и внутригерманского рынков труда?

Несмотря на давление чиновников из сферы науки и образования этот переход происходит все же не так быстро, как этого хотелось бы этим чиновникам. Наиболее быстрыми темпами процесс идет в технических, естественно-научных и медицинских вузах, отмечает Ульрих Штайнбах (директор департамента в министерстве науки и искусства земли Баден-Вюртемберг) в статье «Немецкий как язык науки: Требование жизни или минус в соперничестве?», где приводит следующие данные за летний семестр 2018 г.: в немецких университетах предлагалось 1356 учебных программ на английском языке, что составляет всего 8% от общего числа (17 553) учебных программ; на бакалаврском уровне цифры еще скромнее – 2,5% [Steinbach, 2020, S. 192–193].

Интересно, что некоторые университеты в других странах также стали сдержаннее относиться к переводу учебного процесса на английский язык, например ректор Амстердамского университета высказалась в 2018 г. за баланс между программами на английском и нидерландском языках (это притом, что Нидерланды традиционно считаются лидерами в англофонизации науки и образования) [Steinbach, 2020, S. 191]. Аналогичная тенденция наблюдается даже в некоторых американских и британских университетах. Так, например, университет Северной Каролины (University of North Carolina at Chapel Hill), Чикагский университет (University of Chicago), Кембриджский университет (Cambridge University) и Оксфордский университет (Oxford University) требуют от студентов по специальности «история древнего мира», знания (хотя бы пассивного) трех иностранных языков и предлагают для этого соответствующие курсы [Corsten, 2020, S. 171]. Международный журнал «Bryn Mawr Classical Review» (основан в 1990 г. в Мичиганском университете) публикует научные рецензии на разных языках. По этой причине расширен состав редколлегии, в которую теперь входят носители разных языков. Такие изменения в редакционной политике журнала Т. Корстен – один из постоянных авторов статей в этом журнале – оценивает как «интернационализм в действии» [Corsten, 2020, S. 172].

Вузовских преподавателей очень тревожит низкий уровень языковой подготовки как студентов, так и коллег, поскольку это – «абсолютно решающий критерий качества обучения и научных исследований» [Koreik, 2019, S. 62]. Достаточным считается уро-

вень B2 / C1 по всем четырем видам речевой деятельности – чтению, письму, аудированию, устному общению (funktionables Englisch). Уровень же большинства участников вузовского образовательного процесса очень и очень далек от этого и, тем более, от владения английским как родным. Для этого обучение английскому языку должно начинаться даже не в школе, а в детском саду. Но в таком случае английский вытеснит из употребления немецкий, который останется средством общения в тесном кругу [Gehrmann, 2020, S. 62].

Ошибочным оказалось и предположение, что языковой сертификат Test-DaF по немецкому языку для иностранных студентов может быть достаточным стартовым языковым капиталом, чтобы эти студенты могли, находясь в немецкоязычной языковой среде, постепенно достигнуть уровня, необходимого для участия в немецкоязычных учебных программах и для успешного обучения в немецком университете.

Достижение поставленной цели – интернационализации науки и образования – требует обязательного координирования университетских учебных программ и предметно-ориентированных курсов по немецкому и английскому языкам для студентов, считает Г.Х. Дитер в статье «Языковое многообразие, свобода познания и политика: Напряженная взаимосвязь» [Dieter, 2019, S. 77]. Пока обучение на таких курсах проводится на добровольной основе, контроль за результатами отсутствует, уровень знания английского языка у иностранных студентов перед началом занятий не определяется, а ведь этот язык является неродным для большинства таких студентов. Обучение на английском языке в немецком университете приводит к росту числа несданных экзаменов, отказу от некоторых учебных предметов, так как тексты, необходимые для обучения по этим предметам, нередко имеются только на немецком языке.

Помимо вышеназванных причин популярности немецких вузов у иностранных студентов (высокое качество образования; практическая бесплатность; возможность учиться не на немецком, а на английском языке) существует и еще одна причина такой популярности: получив немецкий диплом, найти работу в Германии, чтобы осесть там. К этому стремятся 70% приехавших иностранных студентов [Nach Deutschland kommen, um zu bleiben]. На немецком рынке труда особенно востребованы специалисты по математике, информатике, естественным и техническим наукам (Mathematik, Informatik, Naturwissenschaften, Technik – MINT). Именно эти специальности выбирает каждый второй иностранный

студент. Спрос на таких специалистов объясняется старением кадрового состава фирм и предприятий. Однако карьерные и жизненные планы молодых людей нередко рушатся по причине их слабой интегрированности в немецком обществе из-за плохого владения немецким языком. Проблемы обнаруживаются уже во время прохождения производственной практики на немецких средних фирмах и при заполнении анкет: только 30% претендентов на рабочее место из числа иностранцев могут сделать это на немецком языке, остальные 70% заполняют анкеты по-английски [Schu, 2020, S. 114]. Это – результат обучения в вузе на английском языке, что Р. Моцикат квалифицирует как культурную и социальную маргинализацию иностранных студентов, а затем и выпускников университетов в Германии [Mosikat, 2020, S. 92]. В итоге многие иностранные студенты задают себе вопрос: стоило ли ехать на учебу в Германию? Не лучше ли было выбрать какую-то англоязычную страну? Репутация Германии как страны хорошего высшего образования оказывается подорванной. Непонятно также, зачем Германия открывает в зарубежных странах институты им. Гёте, в которых преподается немецкий язык на курсах разных уровней, принимаются экзамены на получение сертификатов на знание немецкого языка (эти институты успешно работают), если потом эти знания оказываются невостребованными в вузах Германии? [Lehmann, 2012, S. 349].

На вопрос, нужен или не нужен английский язык как язык обучения в немецких вузах, отвечает О. Рёш, которая считает английский язык нужным для: 1) обучения иностранных студентов, приехавших по обмену (например, по программе Erasmus); 2) ориентации иностранных студентов в немецкой университетской среде и для выбора ими подходящего немецкого университета; 3) подготовки немецких студентов перед их стажировкой за границей; в этом случае выбор иностранного языка не должен ограничиваться только английским языком [Rösch, 2015, S. 21].

Эти рекомендации согласуются с требованиями, которые Немецкое общество научного языка, предъявляет политикам в области науки и образования:

1. Базовое образование должно осуществляться на немецком языке, но включать также и использование литературы на иностранных языках.

2. При длительном пребывании каждый студент и преподаватель должен изучать язык страны своего пребывания, в чем ему необходимо оказывать поддержку; в случае кратковременного

пробывания, по возможности, ориентироваться на принцип пассивного многоязычия (участники общения говорят на своих родных языках, но все понимают друг друга). Поэтому учебный процесс уже на ранней стадии должен быть сориентирован на понимание студентами других иностранных языков помимо английского.

3. Выпускные работы должны преимущественно выполняться на немецком языке с подробным резюме на английском и – в зависимости от специализации – на других иностранных языках [ADAWiS].

Еще более акцентированно это сформулировано в «Тутцин-геновских требованиях к языку образования в немецких вузах»:

1. Проводить все учебные курсы на немецком языке.

2. Магистерские программы могут проводиться (модульно или полностью) также и на других языках в дополнение к программам на немецком языке.

3. Для изучения иностранных языков и не-немецкоязычных культур возможно использование других языков в зависимости от специальности.

4. Для студентов, чьим родным языком немецкий не является, обязательно обучение на курсах немецкого языка (разговорного и специального) с проверкой и оцениванием результатов, чтобы эти студенты могли в процессе последующего обучения более активно участвовать в учебных мероприятиях на немецком языке.

5. Аспирантские программы организуются в соответствии с пунктами 2–4 [Tutzingen Forderungen, 2020, S. 225].

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коммуникативно мощный немецкий язык, средствами которого в значительной степени вербализована европейская культура и наука, оказался в сложном положении в эпоху глобализации в связи с выраженным доминированием английского языка. В связи с этим возникла непростая дилемма в области науки и высшего образования: в какой мере целесообразно с точки зрения сохранения высокого престижа немецкой научной культуры использование английского языка? Ответ на это вопрос определит направление политики в области науки и образования, а также набор практических мер по ее реализации.

Достойную цель этой политики немецкие ученые видят в правильном понимании интернационализации этой сферы, что должно происходить не на базе моноязычия, т.е. не в переходе устной и письменной научной коммуникации только на английский язык, а в создании «университета многоязычия» (Universität der Mehrsprachigkeit) как типа интеллектуального института эпохи глобализации, в котором наряду с местным государственным языком используются на равных основаниях языки изучаемых культур [Flessner, 2010, S. 897]. При этом местному государственному языку, т.е. в Германии – немецкому, должна принадлежать объединяющая роль в университетской языковой ситуации, подчеркивается в «Основных направлениях деятельности Немецкого общества научного языка» [ADAWiS]. Немецкий язык должен включаться в число рабочих языков на национальных конференциях (по необходимости с синхронным переводом на английский).

Особое значение придается определению рейтинга немецких университетов в соответствии с европейскими, а не с американскими научными традициями и создание на уровне Европейского союза базы научных публикаций и научного цитирования. Такая база должна быть независима от американской базы цитирования. Важным признается разработка адекватного инструментария для оценки качества научных публикаций, учитывающего их содержание, а не основанного на импакт-факторе.

Таким образом, концептуальной основой для обеспечения научного многоязычия и – в его рамках – достойного места немецкого языка в современной науке является отказ от идеи иерархизации языков и культур, равно как и от понимания глобализации преимущественно в экономическом аспекте.

Список литературы

- Болонская декларация. – Режим доступа: https://www.msmsu.ru/userdata/manual/images/fac/ped_obr/Bolonskaja_deklaracija.pdf (дата обращения – 14.02.2021).
- Валуицева И.И., Хухуни Г.Т. Наука на национальном языке: излишество или необходимость? // Жизнь языка в культуре и социуме – 7 : матер. Всеросс. науч. конф., Москва, 1–2 июня 2018. – М. : Ин-т языкознания РАН, РУДН, 2018. – С. 19–20.
- Расчет импакт-фактора. – Режим доступа: <https://lib.nspu.ru/citation-index/impact-factor.php> (дата обращения: 14.11.2020).
- Сорбонская декларация. – Режим доступа: https://www.bildungsserver.de/onlineressource.html?onlineressourcen_id=30137 (дата обращения: 19.11.2020).

- Трошина Н.Н., Раренко М.Б. Немецкий язык в эпоху глобализации // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты : Ежегодник. Теории истины. Язык в контексте глобализации. – М. : ИНИОН РАН, 2005. – С. 131–164.
- Философский словарь Спонвиля. – Режим доступа: https://academic.ru/searchall.php?SWord=%D1%8D%D0%B2%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9&from=xx&to=rU&did=philosophy_sponville&type= (дата обращения: 14.02.2021).
- Чернявская В.Е. Может ли ученый мыслить национально-специфично? Когнитивный стиль как монокультурный феномен // Университетский научный журнал. – СПб., 2012. – № 2. – С. 156–163.
- Чернявская В.Е., Закарян С.С. Культурная маркированность текста : Лингвистика в межкультурной проекции // Филологические науки. – М., 2014. – № 2. – С. 10–16.
- ADAWiS. – Mode of access: http://adawis.de/fileadmin/user_upload/Leitlinien/Leitlinien_2015_russisch.pdf (дата обращения: 26.10.2020).
- Alt P.-A. Die sprachlose Forschung. – Mode of access: <https://www.tagesspiegel.de/meinung/die-sprachlose-forschung/4679386.html> (дата обращения: 09.11.2020).
- Ammon U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. – Berlin ; München ; Boston : de Gruyter, 2015. – XVII, 1295 S.
- Ammon U. Deutsch als Wissenschaftssprache: Die Entwicklung im 20. Jahrhundert und die Zukunftsperspektive // Sprache und Sprachen in den Wissenschaften: Geschichte und Gegenwart. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1999. – S. 668–685.
- Ammon U. Über Deutsch als Wissenschaftssprache // Forschung & Lehre. – Bonn, 2010. – H. 6. – S. 400–402.
- Anzahl der ausländischen Studierenden an Hochschulen in Deutschland im Wintersemester 2019 / 2020 nach Herkunftsländern. – Mode of access: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/301225/umfrage/auslaendische-studierende-in-deutschland-nach-herkunftslaendern/> (дата обращения: 19.11.2020).
- Barišić P. Sprachzwangslage der Wissenschaft: Exkurs zum Weltkongress für Philosophie // Zagreber germanistische Beiträge. – Zagreb, 2019. – H. 28 : Anglophonisierung der Wissenschaftssprache. – S. 39–54.
- Campenhausen J v. Wissenschaftskommunikation braucht die Landessprache: Plädoyer für eine vielsprachige Wissenschaftskommunikation // Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? – Baden-Baden : Nomos, 2020. – S. 121–130.
- Clyne M. Cultural differences in the organization of academic text // Journal of pragmatics. – Amsterdam, 1987. – N 11. – P. 211–247.
- Clyne M. The sociocultural dimension : The dilemma of the german-speaking scholar // Subject-oriented texts. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1991. – P. 49–67.
- Corsten Th. Internationalität, Internationalisierung und Anglomanie: Die Folgen für die Geisteswissenschaften in Österreich // Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? – Baden-Baden : Nomos, 2020. – S. 167–182.
- Deutsch als Wissenschaftssprache – Gemeinsame Erklärung von AvH, DAAD, Goethe-Institut und HRK. – Mode of access: <https://www.pressebox.de/inaktiv/deutscher-akademischer-austausch-dienst-ev-daad/Deutsch-als-Wissenschaftssprache-Gemeinsame>

- Erklärung-der-Praesidenten-von-AvH-DAAD-Goethe-Institut-und-HRK/boxid/240084
(дата обращения: 17.09.2020).
- Deutsch in der Wissenschaft : Ein politischer und wissenschaftlicher Diskurs / Hrsg. Oberreuter H., Krull W., Meyer H.J., Ehlich K. – München : Olzog, 2012. – 280 S.
- Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? In Kooperation mit ADAWIS. – Baden-Baden : Nomos, 2020. – 231 S.
- Dieter H.H. Sprachenvielfalt, Erkenntnisfreiheit und Politik: Ein spannungsgeladenes Wechselspiel // Zagreber germanistische Beiträge. – Zagreb, 2019. – H. 28 : Anglophonisierung der Wissenschaftssprache. – S. 69–85.
- Ehlich K. Deutsch als Medium wissenschaftlichen Arbeitens // Englisch oder Deutsch in internationalen Studiengängen? – Frankfurt a.M. : Lang etc., 2005. – S. 41–51.
- Ehlich K. Deutsch als Wissenschaftssprache für das 21. Jahrhundert // German as a foreign language. – Lüneburg, 2000. – H. 1. – S. 47–63.
- Ehlich K. Mehrsprachigkeit in der Wissenschaftskommunikation – Illusion oder Notwendigkeit // Die Wissenschaft und ihre Sprachen. – Frankfurt a.M. : Lang etc., 2006. – S. 17–38.
- Flessner A. Die Bedeutung von Wilhelm von Humboldts Sprachdenken für die Rechtswissenschaft // Festschrift 200 Jahre Juristische Fakultät der Humboldt-Universität zu Berlin: Geschichte, Gegenwart und Zukunft. – Berlin : de Gruyter, 2010. – S. 874–898.
- Gehrman S. Die Kontrolle des Fluiden: Die Sprachlichkeit von Wissenschaft als Teil einer neuen Weltordnung // Bildungskonzepte und Lehrerbildung in europäischer Perspektive. – München ; New York : Waxmann, 2015. – S. 117–156.
- Gehrman S. Die Ökonomisierung des Sprachlichen: Eine Bestandaufnahme über die Zukunft der Nationalsprachen als Wissenschaftssprachen // Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? – Baden-Baden : Nomos, 2020. – S. 55–76.
- Gehrman S., Tutković S. Perspektiven einer mehrsprachigen Wissenschaft im Zustand ihrer Anglophonisierung: Einleitung zum Themenschwerpunkt // Zagreber germanistische Beiträge. – Zagreb, 2019. – H. 28 : Anglophonisierung der Wissenschaftssprache. – S. 5–20.
- Kaehlbrandt R. Ein angespanntes Verhältnis? Über Wissenschaftssprachen und Allgemeinsprache // Forschung & Lehre. – Bonn, 2012. – H. 10. – S. 816–818.
- Kaltenborn K.-F., Kuhn K. Der Impact-Faktor als Parameter zur Evaluation von Forscherinnen / Forschern // Klinische Neuroradiologie. – Berlin ; Heidelberg, 2003. – H. 4. – S. 173–193.
- Klein St. Wissenschaftssprache: Dämmer auf Englisch // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – Frankfurt a.M., 2007. – 06.07. – S. 2–3.
- Koreik U. Warum auch die Sprachenfrage die Zukunft unserer Demokratien bedroht // Zagreber germanistische Beiträge. – Zagreb, 2019. – H. 28 : Anglophonisierung der Wissenschaftssprache. – S. 55–67.
- Krull W. Die vermessene Universität : Ziel, Wunsch und Wirklichkeit. – Berlin : Passagen, 2017. – 156 S.
- Lehmann K.-D. Welche Sprachen spricht die Wissenschaft? // Forschung & Lehre. – Bonn, 2012. – H. 5. – S. 349.

- Lemmer B., Middeke M.* Geschichte einer wissenschaftlichen Publikation – nur noch englische Zitate sind erwünscht // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – Stuttgart, 2008. – H. 133. – S. 1.
- Liessmann K.P.* Platz für die Elite! – Mode of access: <https://www.freitag.de/autoren/der-freitag/platz-fur-die-elite> (дата обращения: 21.11.2020).
- Loew Th.* Bewerten, Begreifen, Befördern: Thesen zu mehr Transparenz und wechselseitigen Vernetzung im globalen wissenschaftlichen Austausch // Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? – Baden-Baden : Nomos, 2020. – S. 83–87.
- Markl H.* Die Spitzenforschung spricht englisch // Deutsch als Wissenschaftssprache: 25. Konstanzer Literaturgespräch des Buchhandels 1985. – Tübingen : Narr, 1986. – S. 20–25.
- Meyer H.J.* Nur Mut zu einer Reform der Reform: Anmerkungen zum Bologna-Prozess // Forschung & Lehre. – Bonn, 2009. – H. 8. – S. 574–577.
- Mocikat R.* Der Wert der Mehrsprachigkeit in den Naturwissenschaften // Mehrsprachigkeit im Wissenschaftsdiskurs: Ein Panorama der Möglichkeiten und Schwierigkeiten. – Baden-Baden : Nomos, 2018. – S. 269–282.
- Mocikat R.* Die Anglophonisierung der Wissenschaften als Folge ihrer Ökonomisierung? // Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? – Baden-Baden : Nomos, 2020. – S. 91–96.
- Mocikat R.* Die Diktatur der Zitatendizes: Folgen für die Wissenskultur // GAIA. – Zürich, 2009. – H. 18/2. – S. 101–103.
- Mocikat R.* Die Sprachenfrage in den Naturwissenschaften // Wissenschaft – Bildung – Politik. – Wien ; Köln : Böhlau, 2013. – S. 1–4.
- Mocikat R.* Fertigwissen in der Einheitssprache // Forschung & Lehre. – Bonn, 2010. – H. 9. – S. 652–653.
- Mocikat R., Dieter H.H.* Eine Universalsprache für die Naturwissenschaften? Ein kritischer Zwischenruf // Aviso. – München, 2011. – H. 2. – S. 26–31.
- Müller G.* Die Universität zwischen unternehmerischer Lenkung und Bildungsauftrag? Anmerkungen aus dem Blickwinkel einer unternehmerischen Universität // Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? – Baden-Baden : Nomos, 2020. – S. 23–28.
- Münch R.* Akademischer Kapitalismus: Zur politischen Ökonomie der Hochschulreform. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 2011. – 459 S.
- Nach Deutschland kommen, um zu bleiben. – Mode of access: <https://www.faz.net/aktuell/karriere-hochschule/campus/warum-auslaendische-studierende-nach-deutschland-kommen-15662493.html> (дата обращения: 20.11.2020).
- Petereit K., Spielmann-Rome E.* Sprecht deutsch mit uns! // Forschung & Lehre. – Bonn, 2010. – H. 5. – S. 172–173.
- Phillipson R.* Linguistic imperialism. – Oxford : Oxford univ. press., 1992. – 365 p.
- Rösch O.* Internationalisierung der Hochschule – was sind *unsere* Ziele? // Die neue Hochschule: Internationalisierung der Hochschulen. – Bonn, 2015. – H. 5. – S. 18–24.
- Rösch O., Tolkiehn G., Lehnert R.* Die Landessprache in der Lehre – Welche Bedeutung kommt ihr bei der Internationalisierung zu? // Die neue Hochschule: Internationalisierung der Hochschulen. – Bonn, 2019. – H. 6. – S. 12–15.
- Schlottheuber E.* Potenzial und Aufgaben der Geisteswissenschaften und die Folgen der ökonomisierten Bewertung von Forschungsergebnissen // Die Sprache von For-

- schung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? – Baden-Baden : Nomos, 2020. – S. 77–87.
- Schönecker D.* Keine Kant-Forschung ohne Deutsch: Deutsch als Wissenschaftssprache in der Philosophie // Forschung & Lehre. – Bonn, 2011. – H. 12/11. – S. 942–943.
- Schu C.* Konsequenzen der Anglophonisierung für internationale Studierende und wissenschaftliche Politikberatung: Integration und Dialogfähigkeit sichern // Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? – Baden-Baden : Nomos, 2020. – S. 111–120.
- Singhammer J.* Hegemoniebestrebungen zugunsten der englischen Sprache // Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? – Baden-Baden : Nomos, 2020. – S. 183–190.
- Steinbach U.* Deutsch als Wissenschaftssprache – Gebot oder Wettbewerbsnachteil? // Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? – Baden-Baden : Nomos, 2020. – S. 191–202.
- The Dominance of English as a language of science: Effects on other languages and language communities / Ed. by Ammon U. – Berlin ; New York : de Gruyter, 2000. – 478 S.
- Thielmann W.* Dreamliner in Richtung Scholastik: Über die Anglizierung der europäischen Wissenschaft // Forschung & Lehre. – Bonn, 2010. – H. 11. – S. 813–815.
- Thielmann W.* Ist die Anglophonisierung der europäischen Wissenschaft ein Problem? Überlegungen zur Sprachenfrage in den Wissenschaften // Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? – Baden-Baden : Nomos, 2020. – S. 97–109.
- Trabant Ju.* Über die Lingua franca der Wissenschaft // Deutsch in der Wissenschaft: Ein politischer und wissenschaftlicher Diskurs. – München : Olzog, 2012. – S. 101–107.
- Tutzinger Forderungen zur Sprache der Lehre an deutschen Hochschulen // Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? – Baden-Baden : Nomos, 2020. – S. 225–226.
- Voslamber D.* Wissenschaft auf Deutsch – wie lange noch? // Physik Journal. – Weinheim, 2011. – N 2. – S. 3.
- Vitzthum Th.* Deutsch als Forschungssprache verschwindet. – Mode of access: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article113150770/Warum-Deutsch-als-Forschungssprache-verschwindet.html> (дата обращения: 11.11.2020).
- Weinrich H.* Sprache und Wissenschaft // Deutsch als Wissenschaftssprache: 25. Konstanzer Literaturgespräch. – Tübingen : Narr, 1986. – S. 183–193.
- Weiß B.* Stile wissenschaftlichen Denkens // Rhetorik und Stilistik. – Berlin ; New York : de Gruyter, 2009. – S. 1285–1299.

Н.Н. ТРОШИНА
НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В НАУКЕ
ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аналитический обзор

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректор О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 15 / IV – 2021 г.
Формат 60х84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 3,0 Уч.-изд. л. 2,86
Тираж 300 (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 25

Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7(499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»,
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У